

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

8 (240) •
август 2018

«ОН ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА
БЕЗУСЛОВНО НАДЕЯЛСЯ, ЧТО
РОССИЮ НА ИСТОРИЧЕСКИХ
ПУТЯХ РАНО ИЛИ ПОЗДНО ЖДЁТ
ВОЗРОЖДЕНИЕ»

стр. 9

ЧЕЛОВЕК С СИЯЮЩИМ ЛИЦОМ,
НАПОЛНЕННЫЙ СВЕТОМ И
РАДОСТЬЮ

стр. 13

ТЕМА

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

стр. 22

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ

6 – 8 ноября 2018 года, Москва – Подмосковье

РОССИЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ: ХРАНИТЕЛИ И САМОРОДКИ

Продолжая тему конференции 2017 года «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности», организаторы предлагают обсудить, на что можно опереться сегодня, размышляя о будущем России, но сознавая, что после Катастрофы, пережитой русским народом в XX веке, разрушен сам человек, его религиозные, культурные, государственно-политические, национальные традиции, межличностные связи.

Можем ли мы надеяться, что сохранился живой остаток нашего народа? Даёт ли он новые побеги?

Если да, то через кого может возродиться или заново родиться жизнь на нашей русской земле?

Фотография С.М. Прокудина-Горского.
Дети, Вологодская губерния, 1909 год.

Содержание

АВГУСТ 2018

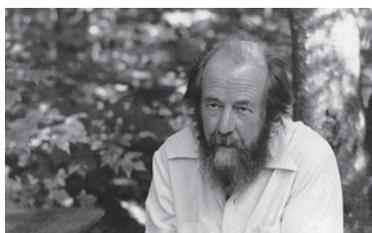
~ Новость номера

Без откровенного разговора друг с другом нам не очиститься от скверны и не вернуться в своё отечество | 2

~ Проповедь

Да будет преображаться жизнь народа – без всяких потрясений и крови, но на твёрдом основании веры и надежды | 3

~ Интервью

«Он до последнего вздоха безусловно надеялся, что Россию на исторических путях рано или поздно ждёт возрождение» | 9

~ Живое предание

Выставка «Неперемолотые» семь лет путешествует по городам России | 5

Практически каждый день в нашем календаре стоят имена святых XX века | 7

Человек с сияющим лицом, наполненный светом и радостью | 13

Он – один из прекрасных плодов жизни русской эмиграции, соединяющих старую Россию с той, которая должна возродиться | 18

Братский помяник | 20

«От вас зависит судьба России» | 24

Последние дни отца Тавриона | 30

~ Русские беседы

Пока человек не признаёт себя больным, его невозможно вылечить | 16

~ Тема номера

Преображение – это укрепление в вере перед Крестом | 22

~ Свято-Филаретовский институт

Когда преподаватель – ещё и брат во Христе | 26

~ Гражданская война

Такие разные лица поэтов гражданской войны | 31

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 6 августа 2018 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 16 августа 2018 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издаётся с октября 2002 г. Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Преображение Господне. Роспись церкви Свт. Николая Чудотворца Касничища в Кастории. 1160–1180 гг.
На четвёртой странице обложки: «Проповедь Христа апостолам». Базилика Сан Аполлинаре Нуово, Равенна, VI в.

Без откровенного разговора друг с другом нам не очиститься от скверны и не вернуться в своё отечество

Круглый стол «Без веры, царя и отечества» состоялся в Москве в день столетия убийства большевиками последнего российского императора Николая II, его семьи и членов свиты

Текст: Александра Колымагина. Фото: Алена Каплина

В большом зале Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» далеко не всегда бывает так многолюдно, как в этот вечер перед столетием расстрела царской семьи: зал был полон, люди стояли в дверях. Это лишний раз подтверждает прозвучавшее в ходе разговора признание: нам очень важно при всём многообразии опыта и мнений говорить друг с другом об этом событии, так и не осмысленном до сих пор. Ведь по словам одного из организаторов вечера – предводителя Российского и Московского Дворянского собрания Олега Вячеславовича Щербачёва – то, что разговор этот происходил в Доме русского зарубежья, символично: уже в 1918 году Россия стала сама для себя в каком-то смысле зарубежьем, а потом и зазеркальем. Отчасти эта жизнь в искажённой, «зазеркальной» стране продолжается и поныне: именно об этом говорит станция метро «Войковская» и мавзолей на Красной площади. И всем нам очень нужна надежда на то, что страна наша очистится от этой скверны, и народ вернётся в своё отечество.

То, что события столетней давности – непрояснённая болезненная рана для всех нас, и именно поэтому о них так трудно говорить, показали первые же несколько выступлений участников круглого стола. В одном из них (с оговорками, что убийц это не оправдывает) прозвучало: есть древнее понятие тираномахии¹; есть «издержки царской профессии»; император настроил всех против себя, поэтому о его гибели сто лет назад не сожалели, а убийцы не считали себя виноватыми. Зал зашумел, раздались протестующие выкрики, однако ведущие, напомнив, что круглый стол собирают не для высказывания всеми его участниками единственного мнения, показали пример сдержанной и убедительной дискуссии.

О.В. Щербачёв напомнил, что когда пришёл настоящий тиран и убил столько людей, что их количество, исчисляемое миллионами, оказалось несопоставимо с жертвами Ходынки и Кровавого воскресенья (в которых лично император был не виноват), «тираномахов» что-то не нашлось. «Мы не должны оценивать императора Николая II по его способностям к управлению (да и плоды его деятельности были разными). Мы должны отнестись к нему как к жертве преступления», – добавил священник Георгий Кочетков. Произошло преступление – и что же, никто не будет каяться и не будет брать на себя ответственность за него?

¹ Понятие о «праве на борьбу с тираном» появилось не позднее VI века до нашей эры, когда во многих греческих полисах правили

Участники круглого стола:
Ф.В. Разумовский, Г.Ю. Лукьянов, О.В. Щербачёв,
свящ. Георгий Кочетков, В.П. Булдаков, В.Ж. Цветков

Эта дискуссия между людьми, далеко не во всём (как выяснилось позже в личной беседе) являющимися антагонистами, лишь отчасти отразила то, о чём напомнил историк и журналист Ф.В. Разумовский: общество в России до сих пор расколото, ведь раскол, так же как и цареубийство, в России неизбежно сопровождается смуту, подчинённую логике саморазрушения. А события 1917 года и всё последовавшее за ними – это несомненная смута, которую большевики и прежде всего Ленин необыкновенно умело подхватили и объявили войну русскому миру, русскому крестьянству, русским рабочим...

О всё большем расколе общества и эскалации гражданской войны, рождённых убийством царской семьи, убедительно, с опорой на факты рассказал историк В.Ж. Цветков. ***

Тема ответственности и покаяния звучала в ходе встречи не раз. Точку в рождённых ею спорах поставило заключительное выступление о. Георгия Кочеткова. «Мы понимаем, что убийство царской семьи – это большое событие, но не понимаем, что оно значит для нас и наших детей», – сказал он. По мнению о. Георгия, канонизация и реабилитация царской семьи в 2000-х ещё не была покаянием. Для того, чтобы оно произошло, нам пока что не хватает сочувствия к тем, кто был прежде нас, и друг к другу, и поэтому память о замученных ещё не способна просветить и очистить нас. Встреча закончилась краткой молитвой об упокоении всех погибших членов императорского дома и всех, с ними убиенных. **КСФ**

тираны (этот термин первоначально обозначал правителя, захватившего власть, а не получившего её по наследству).

Да будет преображаться жизнь народа – без всяких потрясений и крови, но на твёрдом основании веры и надежды

Из проповеди Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла перед Храмом-Памятником в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля

Текст и фото с сайта Патриархия.ru

Это злодеяние до сих пор берedit нашу совесть, до сих пор заставляет вернуться мыслями в то время и попытаться понять, что же происходило со страной нашей, с народом нашим? Ведь страна была покрыта храмами и монастырями, абсолютное большинство людей было крещёными, храмы были наполнены людьми. Почему же это произошло? Почему убийцы спустили курок, не содрогаясь от того, что совершают? Значит, не всё было благополучно. Значит, солнечный свет, отражавшийся в позлащённых куполах, не всегда преломлялся в человеческих сердцах, укрепляя в них веру...

По завершении ночной Литургии патриарх возглавил двадцатикилометровый крестный ход к урочищу Ганина Яма

Дорогие братья и сёстры, во множестве собравшиеся в эту ночь перед местом, где сто лет назад было совершено страшное злодеяние – ни в чём не повинные люди, посвятившие свою жизнь служению Родине, по злой человеческой воле были убиты!

Это злодеяние до сих пор берedit нашу совесть, до сих пор заставляет вернуться мыслями в то время и попытаться понять, что же происходило со страной нашей, с народом нашим? Откуда это умопомрачение, эта напасть? Взирая с дистанции в сто лет, мы при всём желании не можем видеть все нюансы национальной жизни нашего народа, которые ис-

тираются из памяти и уходят даже от самого пронизательного взгляда. Но такие преступления, как совершённое здесь, не могут быть случайными. За этим преступлением нечто стояло, за ним есть некая коллективная вина всего народа, некий поворот в исторической жизни Святой Руси, который завёл народ в тяжёлый страшный тупик.

Что же происходило с народом нашим? Ведь страна была покрыта храмами и монастырями, абсолютное большинство людей было крещёными, храмы были наполнены людьми. Почему же это произошло? Почему убийцы спустили курок, не содрогаясь от того, что совершают? Значит, не всё было благо-

получно. Значит, солнечный свет, отражавшийся в позлащённых куполах, не всегда преломлялся в человеческих сердцах, укрепляя в них веру в Господа. И мы знаем, как на протяжении по крайней мере 200 лет, предшествовавших трагедии Ипатьевского дома, происходили некие изменения в сознании людей, которые постепенно, но неуклонно вели многих к отступлению от Бога, забвению заповедей, утрате реальной духовной связи с Церковью и многовековой духовной традицией.

Почему же это произошло с нашим народом? Почему он в какой-то момент времени сделался как поезд, машинист которого не рассчитал скорость и который входит в крутой вираж, устремляясь к неминуемой катастрофе? Когда же мы как народ вошли в этот вираж? А вошли мы тогда, когда чуждые мысли, чуждые идеалы, чуждое мироощущение, сформированное под влиянием философских и политических теорий, не имевших ничего общего ни с христианством, ни с нашей национальной традицией и культурой, стали восприниматься и интеллигенцией, и аристократией, и даже частью духовенства как мысли передовые, следуя которым можно изменить к лучшему жизнь народа.

Действительно, идея изменить к лучшему жизнь народа возникает всякий раз, когда появляется замысел круто изменить течение истории. Мы знаем, что самые страшные и кровавые перевороты всегда происходили ввиду устремления людей к лучшей жизни. Вожди этих переворотов внушали людям, что нет другой возможности сделать жизнь лучше – только кровью, только через смерть, только через разрушение сложившегося уклада. И в какой-то момент, отказавшись от своего духовного первородства, потеряв реальную связь с Церковью и Богом, интеллигенция, аристократия и даже, как я уже сказал, часть духовенства помрачились умом, заражённые мыслью о необходимости круто изменить течение национальной истории и постараться как можно быстрее построить мир, где царит справедли-

вость, где нет былого расслоения по имущественному признаку, где люди живут мирно и счастливо. В результате многие, захваченные этой идеей, дошли до совершения преступлений.

Возникает вопрос: «А можно ли вообще через преступление, через кровь, через насилие, через разрушение святынь построить счастливую жизнь?» История ясно свидетельствует: невозможно! И наверное, первый и самый важный урок, который мы должны сегодня вынести из трагедии столетней давности, – никакие обещания счастливой жизни, никакие надежды на помощь извне, со стороны якобы более образованных и продвинутых людей, не должны соблазнять наш народ. Мы должны помнить трагедию прошлого. У нас должен развиваться иммунитет к любым призывам добиться человеческого счастья через разрушение того, что есть. Едва ли кто-нибудь из тех, кто призывал разрушить народную жизнь, разрушал свою собственную жизнь, отказывался от собственного благополучия. Но с какой же яростью это предлагалось делать всему народу! И люди усвоили эту ложь, и венцом отступления от самого священного и дорогого, что у них было, явилась страшная казнь царской семьи, людей невиновных, не нарушивших закон. Да и о каком законе могла идти речь, если для построения счастливой жизни надо было убить царя и всю его семью? Мы знаем, что ничего не получилось, и, наученные горьким опытом, мы должны сформировать устойчивое неприятие к любым идеям, любым лидерам, которые предлагают через слом нашей народной жизни, наших традиций и нашей веры устремляться в некое неизвестное «счастливое будущее».

Да пребывает благословение Божие над народом нашим, над Отечеством нашим и над нашей мученицей Русской Православной Церковью. Молитвами новомучеников и исповедников Церкви Русской да будет преображаться жизнь народа – без всяких потрясений и крови, но на твёрдом основании веры и надежды на то, что Бог с нами! **КФ**

Выставка «Неперемолотые» семь лет путешествует по городам России

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Андрей Якимчук, Владимир Губаренко

О первоначальном замысле выставки рассказывает её автор
Оксана Иванова (Екатеринбург)

Собственно, выставка началась с вопроса, а кто же такие наши новомученики и исповедники.

Из окружающей нас церковной и светской обстановки этого нельзя было понять. В храмовом пространстве существовал или XIX, или XXI

век, наследия XX века нигде не было видно.

2000 год прогремел самой масштабной в истории канонизацией, но после этого мало что изменилось. По большому счёту «Неперемолотые» – ответ на этот вопрос. Мы вели исследования в рамках своего региона, но вслед за нами и в других местах начали искать своих подвижников, истории, с ними связанные.

При создании нашей выставки мы почти не опирались на уголовные дела, не использовали документы врагов Церкви. По большей

части использовались находки и свидетельства изнутри церкви. И это отличает наш проект от других.

И поэтому удалось ярче представить тему духовного сопротивления. Мы опирались на образ церкви, духовно победившей, а не просто жертвы обстоятельств и времени. Важно было увидеть и новизну, свежесть христианской веры XX в.

И изначально было важно привлечь к проекту все общественные силы, так или иначе присутствующие в теме XX века, как светские, так и церковные, что и удалось.

Интервью с руководителем музейно-выставочного отдела культурно-просветительского фонда «Преображение» Светланой Чукавиной

Выставка «Неперемолотые» продолжает своё путешествие по самым разным городам Рос-

сии и везде встречает отклик. Сколько лет это продолжается и насколько часто выставка переезжает?

Выставка путешествует уже больше семи лет и побывала в десятках городов: тот, кто слышал о ней, приглашал её к себе. Год-другой назад был большой перерыв, а сейчас она опять оказалась востребованной в тех местах, где ещё не бывала. Просто люди, ко-

торым важна эта тема, рассказывают о ней друг другу, и вот у неё началась как бы вторая жизнь.

Я слышала, что на месте выставку дополняют экспонатами, связанными с памятью новомучеников и исповедников того края, куда она приезжает?

Да, это так, и из города в город её путешествие прирастало как снежный ком. Поскольку

На открытии выставки «Неперемолотые» в Хабаровске. 2013 г.

тема этой выставки – жизнь церкви в условиях гонений, материал этот бывает более или менее собран, но не очень известен разным людям в разных епархиях. И мы, конечно, всегда используем возможность представить и местный материал: делаем дополнительные стенды, а если на месте оказываются какие-то подлинные вещи, документы, фотографии, представляем их в экспозиции. И это очень важно, потому что людям всегда интересна история того места, где они живут. Сейчас, как правило, ни одна выставка не открывается у нас без местного материала. Иногда это собирает вокруг неё и каких-то людей – тех, кто приносят экспонаты. Такая же история происходит и с другой нашей выставкой, посвящённой 1920-м годам в церковной жизни, – «Не должно вам быть».

А многие ли проявляют к этой теме интерес, кроме активного, но узкого круга людей, которые собирают мате-

риал? Ведь часто приходится слышать сетования, что опыт новомучеников церковным народом не воспринят. Люди не очень хотят погружаться в эти тяжёлые воспоминания.

Сейчас в Сарепуле выставку очень хорошо посещали. Мне сложно сказать, насколько активно приходили на нее люди на общем культурно-выставочном горизонте города, но экскурсии собирали много людей, и зал не пустовал.

Будет ли тот материал, который был в экспозиции изначально, и тот, что добавлялся в разных регионах, каким-то образом централизованно храниться?

Что касается материалов из разных городов, с ними ситуация неодинаковая. То, что мы пишем и оформляем в виде стендов, у нас уже есть и может храниться в одном месте, чтобы всё это можно было потом использовать и нарисовать масштабную картину. А подлинные вещи,

документы, фотографии, которые предоставляют в тех или иных городах отдельные люди или епархия, экспонируются на месте, а потом возвращаются к своим владельцам.

Каковы дальнейшие планы? Будет ли выставка продолжать путешествие по городам?

Трудно сказать. Она много лет экспонировалась в самых разных городах, и нам казалось, что она уже исчерпана, и все, кто хотел, её посетил. Так что можно и нужно заниматься уже другими темами. Но всё-таки тема жертв террора против церкви со стороны советской власти и очень достойного поведения людей, верности Церкви и Богу очень востребована, поэтому не знаю, как дальше получится. Ведь на самом деле люди очень мало знают о довоенной истории, даже общественной, а церковной и подавно. Может быть, выставка и будет ещё ходить по другим городам.

Практически каждый день в нашем календаре мы видим имена святых XX века

Из слова епископа Сарапульского и Можгинского Антония
на круглом столе перед закрытием выставки

На открытии выставки «Неперемолотые» в Сарапуле. 2018 г.

Начиная с ноября 2017 года мы практически каждый день отмечаем столетие гибели кого-то из новомучеников, вспоминаем исповедников церкви Русской – тех, кто пострадал в годы гонений так или иначе: умер, был расстрелян, находился в заключении. Многие из исповедников дожили до наших времён и были нашими современниками, и мы имели радость и возможность с ними общаться. Это и приснопамятный владыка Николай, митрополит Ижевский и Удмуртский, и недавно преставившийся митрополит Таллинский и Эстонский Корнилий, который тоже прошёл через жерло этих страшных богоборческих гонений. Практически каждый день в нашем календаре мы видим имена тех или иных святых XX века, святых, которые в трудных условиях гонений не перестали исповедовать свою веру. Они сохранили эту веру в своём сердце, сохранили её и для потомков своих.

Перед нами сегодня, уже в XXI веке, стоит множество испытаний, множество вопросов, множество проблем. И для нас важно хранить этот опыт жизни наших предшественников, память о том, как можно и нужно жить христианину даже в условиях гонений, даже в тех условиях, которые максимально неблагоприятны для жизни человека, прежде всего верующего.

Пришло очень много людей, я думаю, что значительная часть жителей Сарапула и гостей за это время здесь побывала и открыла для себя эту новую страницу, которую, к сожалению, мы сейчас начинаем уже забывать. Память человеческая так устроена, что всё плохое из неё быстро стирается, остаётся только хорошее. Очень часто даже из уст духовенства можно услышать реплики в защиту Сталина: «Сталин был очень хорошим, Сталин был героем, Сталин был спасителем Отечества, Сталин победил в Великой Отечественной войне». При этом мы забываем, что на руках Сталина как руководителя государства кровь новомучеников и исповедников Церкви русской. И не только Русской церкви, а множества верующих: и мусульман, и католиков, и протестантов. Конечно, православных большинство в России, поэтому для нас это более болезненно, более значимо, более видимо. Но тем не менее этот каток прошёл равно по всем.

Мы живём тоже в непростое время, когда вроде бы нас никто не гонит, мы можем спокойно молиться, можем даже проповедовать, мы вроде бы можем воспитывать своих детей в православной вере или мусульманской вере. Но с другой стороны, даже если смотреть по нашему городу, до недавнего времени изучать основы православной культуры выбира-

Примерно половина из тех архиереев, чьи портреты мы видим здесь на стенах, уже не вернулись из ссылки, из тюрем, были расстреляны. Мы верим, что они как живые помогают нам здесь на земле. И мы должны продолжать их дело, продолжать подвиг несения слова о Боге нашим будущим поколениям – потому что иначе будет всё что угодно по названию, но только уже не Россия, не русский народ – потомок славных предшественников.

ли 0% по городу Сарапулу. Я знаю, что та же самая ситуация с основами мусульманской культуры. И не только у нас в городе. Так что эти вызовы стоят перед нами до сих пор, хотя вроде бы поменялись знамёна наши, и слова гимна тоже вроде бы поменялись. В нашем российском гимне под прежнюю музыку, на слова трижды составителя этих слов сейчас мы уже не можем услышать его старых слов о Сталине, теперь в нём можно услышать про Бога. Но тем не менее, к сожалению, мысли и чувства, и в том числе отношение к вере у тех, кто сейчас находится у власти, ненамного лучше, чем у тех, кто был их предшественниками. Это тоже проблема нашего времени. Поэтому так тяжело, когда церковь поднимает вопросы той же борьбы с абортами. Мы знаем, сколько сопротивления, сколько слов очень и очень неприятных в адрес Святейшего патриарха и в адрес Русской православной церкви встретило его предложение оплачивать аборт тем, кто решился на это, из собственного кармана...

Мы знаем, что мы только странники здесь на земле, но тем не менее, даже будучи странниками, мы не вправе относиться к этому миру как к чему-то быстротекущему, чего мы не должны ценить и беречь. Может быть и этому тоже нас учит пример новомучеников и исповедников российских.

Неперемолотые – это люди, которые не сломались. Для человека, который не сломался, не перемололся, остался человеком, родина осталась всё-таки родиной. Он понимает её недостатки, но всё-таки принимает и любит её такой какая она есть. Мы знаем, как в годы Великой Отечественной войны верующие собирали последние свои ценности, иконы, сосуды, кресты, деньги, украшения для того, чтобы эти собранные средства пожертвовать на создание оружия для Красной Армии. На них строились

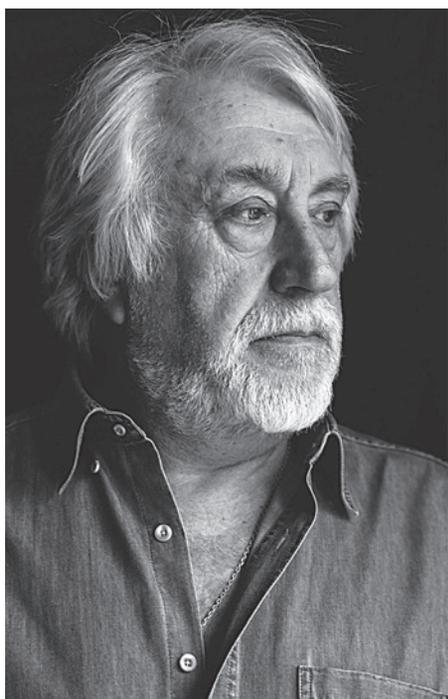
танковые колонны, авиационные полки – на средства, собранные верующими, которые не сломались, которые не возненавидели свою родину несмотря ни на что, которые не перестали её любить, не перестали её ценить, хотя прекрасно понимали, что даже те свободы, которые испытает церковь впоследствии, очень быстро превратятся в несвободы.

Мы знаем, что к 1941 году на территории всей Российской Федерации действовало всего 300 храмов православных. Сравните с дореволюционными цифрами: в Российской империи действовало больше 70 тыс. приходов. В Поместном соборе Русской православной церкви 1917–1918 гг. участвовало более 80 архиереев. К лету 1941 года оставалось на свободе всего 4 архиерея, и то всем в лучшем случае за 70 лет – старцы. Тем не менее церковь выжила, несмотря ни на что, на небывалые гонения, на небывалые обстоятельства. Выжила, и сегодня мы возрождаем её по молитвам наших предшественников. Примерно половина из тех архиереев, чьи портреты мы видим здесь на стенах, уже не вернулись из ссылки, из тюрем, были расстреляны. Мы верим, что они как живые помогают нам здесь на земле. И мы, не забывая опыт предшествующих поколений, не забывая гонения, не забывая существование церкви, веры, религии в таких трудных обстоятельствах, должны продолжать их дело, продолжать подвиг несения слова о Боге нашим будущим поколениям – потому что без Бога невозможно существование российского государства как совокупности народов, которые здесь жили и живут и, надеемся, будут жить, если, конечно, они смогут сохранить те религиозные традиции и ценности, которые им достались от предков. Иначе будет всё что угодно по названию, но только уже не Россия, не русский народ – потомок славных предшественников. КФ

«Он до последнего вздоха безусловно надеялся, что Россию на исторических путях рано или поздно ждёт возрождение»

К 10-летию кончины Александра Исаевича Солженицына – интервью с поэтом Юрием Михайловичем Кублановским

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Ю. М. Кублановский

Один наш знакомый священник, о. Иоанн Привалов, рассказывал, что как-то Н.А. Струве, выступая по его приглашению в Архангельске, вспоминал, как после высыл-

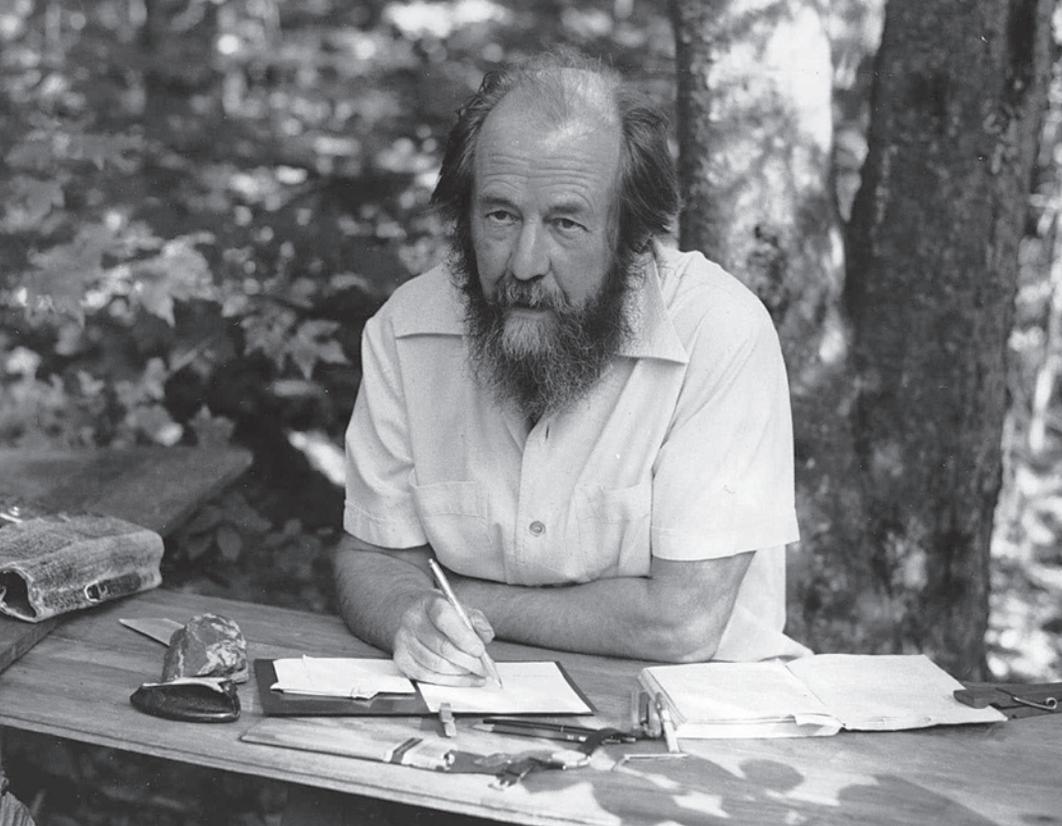
ки из СССР Солженицын поехал в Цюрих и там встретился с Никитой Алексеевичем. И весь день они ходили по городу, а потом пришли в гостиницу и еле живые рухнули на кровати друг напротив друга. И Александр Исаевич сказал: «Знаете, Никита Алексеевич, а ведь я вижу себя опять в России». Струве про себя подумал: «Ну, наверное, это он от переживания расставания с родиной немного не в себе, раз думает о таких заведомо невероятных вещах». А Солженицын посмотрел на него и говорит: «Я ведь и Вас вижу в России».

Да, он был уверен, что вернётся в Россию. А когда я эмигрировал, и мне написал в Вену, что я тоже через восемь лет вернусь. И угадал год в год.

И при таком явном пророческом даре он говорил, что пророком не претендует быть, а просто хочет, чтобы его предупреждения были услышаны. Он чувствовал: «когда-

нибудь закричу я двумстам миллионам» – и ведь крикнул. Но большинство не слышит его. Его произведения проходят в школе, всё напечатано, а тем не менее люди с большим трудом воспринимают его творчество.

Так ведь сказано, что нет пророка в своём отечестве. Когда он вернулся, власть в России принадлежала по точному его же определению «олигархической хунте». Солженицын оказался не ко двору. Его, по понятным причинам, не терпели ни коммунисты, ни либералы. Он намного мировоззренчески опередил взгляды интеллигентного общества. Мне недавно один известный политолог заметил: «Надо же, а Солженицын, оказывается, всё предсказал ещё в середине 1990-х». «А вы что, только сейчас прочитали “Россию в обвале”?» – спросил я. – Отчего ж не читали прежде?» «А потому, что тогда это мешало зарабатывать деньги». Они целенаправленно делали деньги, а Солженицын

Все двадцать лет изгнания Солженицын верил, что вернётся в Россию

выступал как раздражитель. И поэтому его не хотели слушать, почти инстинктивно понимая, что тогда бы пришлось как-то на него реагировать, может быть, начать жить по-другому. Весь климат 1990-х годов был в резком противоречии с Солженицыным.

Это большая беда нашего общества, что у такого человека не оказалось мощного и действенного отряда приверженцев. Если бы они были, то в России всё могло бы пойти по-другому. Она бы не топталась в идеологическом плане на месте, отступая даже, как теперь, в сторону советизма. Это большая драма.

Как Вам кажется, может ли это непонимание быть связано с тем, что Солженицын сконцентрировал в себе боль всего народа (и это чувствуется не только в «Архипелаге», но и в «России в обвале»), а людям почти инстинктивно не хочется ни помнить, ни переживать эту боль?

Разумеется. Понимаете, чтение каждого великого писателя – это, помимо прочего, ещё и большой труд. Тем более в наши дни, когда сознание стало клиповым и крупные объёмы текста – большие объёмы мысли, я бы так сказал, – просто не воспринимаются сознанием обывателя. Например, Солженицын, казалось бы, всё сказал о феномене 1917 года, об этой исторической катастрофе, которая страшно задела не только Россию, но и весь мир. Но его никто не услышал. В прошлом году я выступал на канале «Культура» в программе Александра Архангельского, посвящённой революции. Да там гости прямо предложили называть сегодня улицы именами деятелей Февраля. Слово мало нам улиц, носящих имена террористов и революционеров... И это предложение было воспринято как совершенно логичное. Я чувствовал себя белой вороной, так как и сам вслед Солженицыну считаю именно Февраль завязью всех революционных

Это большая беда нашего общества, что у такого человека не оказалось мощного и действенного отряда приверженцев. Если бы они были, то в России всё могло бы пойти по-другому. Она бы не топталась в идеологическом плане на месте, отступая даже, как теперь, в сторону советизма. Это большая драма.

бед и исторических катастроф. На меня ещё в эмиграции навесили «бубнового туза» на спину: «Человек Солженицына». Слово это какой-то грех. Либеральный участок не прощает мировоззренческих различий с собою.

Увы, это так. Но проблема не только в этом. К сожалению, даже преподавание творчества Солженицына в школах иногда чуть ли не отторжение у молодежи вызывает.

К сожалению, Солженицына некому сегодня преподавать. Нет учителей, которым он был бы по плечу. Вернее, они есть, но их очень и очень мало. И насколько я знаю, Солженицын в школах так преподаётся, что ученики просто не в состоянии его полюбить.

Но вот недавно на телеканале «Культура» в рамках программы «Игра в бисер» Игоря Волгина прошла передача, целиком посвящённая «Матрёнину двору». Я очень советую Вам эту

передачу посмотреть¹. Чем больше будет таких просветительских передач, связанных с творчеством писателя, тем будет лучше для всех нас. Тем более, что сталинская свора сейчас словно с цепи сорвалась: стараются как можно побольше укусить Солженицына. И среди недоброжелателей много не понимающей русской истории молодёжи. Это большая беда.

Самое поразительное, что сейчас много молодых людей, которые увлекаются идеями социализма, образами Ленина и Троцкого. Как Вам кажется, с чем это может быть связано? Ведь иногда это историки, и получается, что знание не спасает от этого межеумья...

Есть такой политик – Вячеслав Никонов, внук Молотова, кстати, автор очень хорошей книги о русской революции. Мне

¹ Полностью запись программы можно посмотреть по ссылке https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20921/episode_id/1740081/

Кто хочет увидеть единым взором, в один окоём, нашу недотопленную Россию – не упустите посмотреть на калязинскую колокольню. Она стояла при соборе, в гуще изобильного торгового города, близ Гостиного двора, и на площадь к ней спускались улицы двухэтажных купеческих особняков. И никакой же провидец не предсказал тогда, что древний этот город, переживший разорения жестокие и от татар, и от поляков, на своём восьмом веку будет, невежественной волей самодурных властителей, утоплен на две трети в Волге: всё бы спасла вторая плотина, да поспешили большевики на неё. (Да что! – Молба и вся на дне.) И сегодня, стань на прибрежной грани, – даже воображению твоему уже не подъять из хляби этот изневольный Китеж, или Атлантиду, ушедшую на дюжину сажений глубины.

Но осталась от утопленного города – высокостройная колокольня. Собор взорвали или растащили на кирпичи ради нашего будущего – а колокольню почему-то не доспели свалить, даже вовсе не тронули, как заповедную бы. И – вот, стоит из воды, добротнейшей кладки, белого кирпича, в шести ярусах сужаясь кверху (полтора яруса залито), в последние годы уж и отместку присыпали к ней для сохранности низа, – стоит, нисколько не покосясь, не искривясь, пятью просквоженными пролётами, а дальше луковкой и шпилем – в небо! Да ещё на шпиле – каким чудом? – крест уцелел. От крупных волжских теплоходов, не добирающих высотой, как издали глянуть, и на пол-яруса, – шлёпают волны по белым стенам, и с палуб уже пятьдесят лет глазают советские пассажиры.

Как по израненным, бродишь по грустным уцелевшим улочкам, где и с покошенными уже домишками тех поспешно переселённых затопленцев. На фальшивой набережной калязинские бабы, сохраняя старую приверженность к исконной мягкости и чистоте волжской воды, тщатся выполаскивать бельё. Полузамерший, переломленный, недобитый город, с малым остатком прежних отменных зданий. Но и в этой запусте у покинутых тут, обманутых людей нет другого выбора, как жить. И жить – здесь.

И для них тут, и для всех, кто однажды увидел это диво: ведь стоит колокольня! Как наша надежда. Как наша молитва: нет, всю Русь до конца не попустит Господь утопить...

А.И. Солженицын. «Колокольня»

Есть такой политик – Вячеслав Никонов, внук Молотова, кстати, автор очень хорошей книги о русской революции. Мне рассказали, что на акцию «Бессмертный полк» он вышел с портретом деда, сталинского сатрапа, чья подпись красуется под многими расстрельными списками. Только руками остаётся развести. А то, что тридцати-сорокалетние и моложе ребята увлекаются социалистическими идеями – это всё от невежества, глухоты сердечной и какой-то бравады.

рассказали, что на акцию «Бессмертный полк» он вышел с портретом деда, сталинского сатрапа, чья подпись красуется под многими расстрельными списками. Только руками остаётся развести. А то, что тридцати-сорокалетние и моложе ребята увлекаются социалистическими идеями – это всё от невежества, глухоты сердечной и какой-то бравады. Для меня загадка, почему, скажем, Сталин так привлекателен для Захара Прилепина. Это человек с хорошим поэтическим слухом, что большая редкость. Человек равнодушный, воюющий на Донбассе, написал роман о Соловецком концлагере. И при этом какая-то мазохистская тяга к сталинизму. А Никита Михалков, в фильме которого Максим Суханов гениально сыграл Сталина, почему-то восторженно читает в своей программе эту просталинскую публицистику Прилепина...

Но из этой беды нам всем надо пытаться как-то выходить.

Конечно, надо, ситуация патовая. И не могу сказать вам на этот счёт ничего утешительного.

Остаётся надеяться, что есть выход «по вертикали» – единственный выход в таких ситуациях. В конце концов, во времена смуты в начале XVII века ситуация была совер-

шенно безнадёжной, Вам не кажется?

Всё-таки тогда общество было пропитано религиозными смыслами. И хотя стояли поляки в Кремле, но всё равно порча народная, я убежден, не заходила так далеко. Каждый в том или ином смысле соотносил себя всё же с Божественным провидением. А сейчас этого почти нет. В духовном отношении сейчас времена хуже, чем в Смуту.

Но есть же слова Писания о том, что и «малое стадо» может что-то сделать?

Эти слова, конечно, обнадеживают. Не могу сказать, что сам лично живу без надежды – я без неё и жить бы не смог. Но эта надежда не определяется на сугубо рациональном уровне. Продолжаю надеяться, что у нашего Отечества есть будущее. Во всяком случае не менее достойное, чем у большинства других государств. Впрочем, сейчас вся цивилизация охвачена какой-то стремительно распространяющейся заразой.

Наше братство уверено, что путь к этому будущему лежит через национальное покаяние. В своей статье «Раскаяние и самоограничение» Солженицын говорил, что и раскаяние, и покаяние будут возвращаться в общественную сферу...

Да, и этой статье почти полвека.

Видимо, это требует от нас встречного усилия. В чём оно могло бы быть, на Ваш взгляд?

В воспитании молодой России. Вот говорят, что произошёл катастрофический обвал в сфере образования, но я не верю, что это окончательная катастрофа. Я знаю много искренней и живой молодёжи. У меня самого восемь внуков и мне за них не стыдно...

Солженицын, как все великие писатели, был не только пророком, но и в значительной степени идеалистом. Но в его идеализме всё-таки есть зерно, которое ещё не затоптано.

Да, даже в «России в обвале» очень сильна тема надежды – надежды на то, что сам народ не погиб. И заканчивается это произведение призывом, чтоб мы не стали поколением, которое предаст всё, что делали до нас столетиями наши предки.

Я прекрасно помню этот призыв, и, думаю, это не поза, а подлинное мироощущение Солженицына. Он остро переживал происходившую трагедию и вместе с тем как человек верующий всё равно до последнего вздоха безусловно надеялся, что Россию на исторических путях рано или поздно ждёт возрождение. **КФ**

Человек с сияющим лицом, наполненный светом и радостью

К 80-летию со дня рождения протоиерея Павла Адельгейма издательство Свято-Филаретовского института выпустило книгу его трудов «Размышления о церковной традиции». Мы публикуем фрагменты предисловия К.П. Обозного к этому сборнику

Удивительно, что для о. Павла не было «запретных» тем. Можно было задать любой вопрос и получить на него точный, искренний ответ. Бывало, что батюшка отвечал: «Над этим надо подумать». Он не хотел давать формальный ответ и не хотел отмахнуться от сложной и неоднозначной темы. Знаю по своему опыту, что порой в словах воскресной проповеди о. Павел с амвона отвечал на вопрос, который был задан ему несколько дней назад...

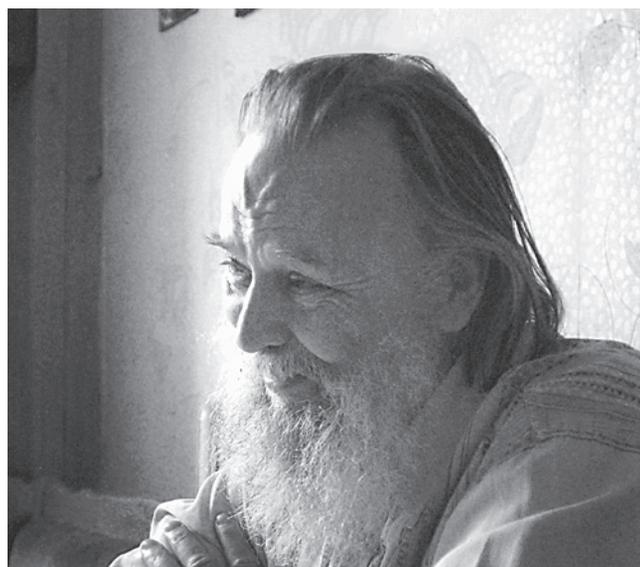
В этой небольшой книге опубликованы статьи и заметки о. Павла Адельгейма, которые пока ещё неизвестны широкому читателю, но весьма актуальны и ценны. Они продолжают просветительское служение о. Павла и после окончания его земного пути.

Предисловие к сборнику написал заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ Константин Петрович Обозный, много лет бывший одним из духовных чад погибшего исповедника веры. Фрагменты этого предисловия мы публикуем сегодня в память о. Павла, убитого пять лет назад, в августе 2013 года.

Впервые имя о. Павла я услышал 25 лет назад, когда в начале 1990-х годов приехал и остался жить в Пскове. Когда стал прихожанином одного из псковских храмов, услышал из уст регента, что о. Павел Адельгейм – один из немногих псковских священников,

кто любит и хорошо умеет петь и старается к этому привлекать свою паству. А ещё через какое-то время я узнал, что батюшка из репрессированных и вернулся из заключения на одной ноге... Этот факт не мог не привлечь внимание, и я решил, что обязательно

должен с этим человеком познакомиться или хотя бы увидеть его. В один из воскресных дней я пришёл в храм свв. Жён-Мироносиц в тот момент, когда богослужение близилось к завершению, на амвоне стоял священник и со словами проповеди обращался к

ПРОТОИЕРЕИ ПАВЕЛ АДЕЛЬГЕЙМ

РАЗМЫШЛЕНИЯ

О ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ

народу. Его облик сразу приковал моё внимание – длинные седые волосы зачёсаны назад, открывая высокий лоб, нахмуренные брови, строгий взгляд, направленный прямо на меня, сильный и одновременно красивый голос. В этом человеке чувствовалась огненная пророческая сила. Наверное, так выглядели ветхозаветные пророки, возвещающие правду Божию народу израильскому... Признаться, я внутренне оробел и даже подумал, что приду как-нибудь в следующий раз. Но всё же я не покинул храм, а вслед за прихожанами пошёл за благословением на отпущение. Подойдя последним к батюшке, я сказал, что давно хотел с ним познакомиться и спросить о возможности личного разговора. И тут я вдруг увидел о. Павла совсем другим: после грозного и почти неприступного образа – передо мной стоял человек с сияющим лицом, наполненный светом и радостью. Так могут встречать родного человека, того, о ком много передумано, кого долго ждали... Через некоторое время я стал прихожанином храма свв. Жён-Мироносиц, был выбран в состав приходского собрания и продолжал открывать для себя разные стороны личности о. Павла...

Известно, что за свою жизнь о. Павел построил и восстановил несколько храмов, прежде всего, для возможности общей молитвы и собирания народа на дело Божье. Стоит заметить, что в строительстве батюшка принимал участие самым непосредственным образом. Например, при восстановлении храма свв. Жён-Мироносиц о. Павел участвовал во всех этапах восста-

новительных работ, в том числе в ремонте церковной кровли, для чего он поднялся на крышу (напомню, батюшка потерял правую ногу после совершённого на него покушения в лагере Кызылтапа). В какой-то момент о. Павел, потеряв равновесие, упал с крыши на кучу строительного мусора, лежащего у стен храма. Все замерли... Никто даже не успел вскрикнуть, настолько стремительно это произошло. Однако батюшка тут же легко поднялся и вновь принялся за работу так, что никто не услышал от него ни жалобы, ни стоны. Далеко не всегда о. Павел за свои труды слышал слова благодарности и поддержки. Например, в начале его пресвитерского служения строительство храма в Средней Азии в городе Кагане в 1969 году стало одним из поводов для ареста, суда и тюремного заключения о. Павла...

Дар милосердия и заботы о сиротах и больных был выстрадан им с самых ранних лет жизни, когда лишённый родителей Павел Адельгейм в годы войны находился в детском доме в постоянном состоянии недоедания и истощения... Будучи настоятелем храма св. Апостола Матфея в Писковицах на окраине Пскова, о. Павел здесь в приходском доме устроил приют для детей-инвалидов. Он ежедневно приезжал к своим подопечным, общался с ними, привозил продукты, следил за порядком и входил во все вопросы и проблемы этого общежития. Для многих ребят он стал и папой, и мамой, и духовным наставником. Батюшка заботился о том, чтобы они учились в школе, получили профессию, добился для некото-

рых получения квартиры. При этом не следует забывать, что это были ребята в основном из социально трудных семей, как принято говорить, с крайне тяжёлой наследственностью. Много трудностей, переживаний и испытаний принесла батюшке эта инициатива. Но о. Павел не мог поступить по-другому, его сердце болело за несчастных и обездоленных в этой жизни.

Духовное просвещение было третьей яркой частью служения о. Павла Адельгейма. Его церковная юность проходила в окружении по-настоящему святых людей, подвижников, блестящих проповедников, чей дар слова родился не из формальной наученности, а из опыта духовной жизни, из опыта верности выбранному пути следования за Христом. Много было тогда воспринято о. Павлом от святых учителей – св. праведного Севастиана Карагандинского, архиепископа Ермогена (Голубева), архимандрита Бориса (Холчева), архимандрита Серафима (Суторихина), матушки Евгении (Миллер). Обязательной проповедью на каждом богослужении о. Павел отнюдь не ограничивался, на воскресной вечерне в конце службы батюшка проводил духовные беседы на определённую тему. Один раз в неделю после вечерни о. Павел проводил библейские беседы для всех желающих, круг которых не исчерпывался только лишь прихожанами храма свв. Жён-Мироносиц. На библейские беседы приходили люди из других приходов города Пскова, приходили ищущие ответы на свои духовные поиски люди малоцерковные и даже внешние, желающие

Протоиерей Павел Адельгейм. 2011 г. Фото Льва Шлосберга

услышать слова образованного и умудрённого опытом священника. На этих встречах батюшка сначала читал Священное Писание, комментировал прочитанное, отвечал на вопросы, а затем продолжался разговор на темы, которые задавали участники бесед. Иногда батюшка читал стихи, статьи на духовные темы, рассказывал о новостях церковной жизни в России и в нашей епархии. Удивительно, что для о. Павла не было «запретных» тем. Можно было задать любой вопрос и получить на него точный, искренний ответ. Бывало, что батюшка отвечал: «Над этим надо подумать». Он не хотел давать формальный ответ и не хотел отмахнуться от сложной и неоднозначной темы. Знаю по своему опыту, что порой в словах воскресной проповеди о. Павел с амвона отвечал на вопрос, который был задан ему несколько дней назад...

На всю жизнь запомнились праздники, в дни которых о. Павел приглашал в гости. Праздничная трапеза была обильна и прекрасно приготовлена, в чём заслуга Веры Михайловны, матушки о. Павла. Но как говорил сам о. Павел, трапеза была приятным, но всё же лишь поводом к общению, тон которому задавал батюшка. Отец Павел читал стихи, многие из них по памяти, рассказы классиков,

вспоминал о своих духовных учителях и о своей церковной юности. Очень часто вместе пели духовные песнопения и псалмы.

Хочется ещё сказать о замечательном качестве о. Павла – его готовности к принятию нового опыта, или не ослабевающему с годами свойству ученичества. Он живо интересовался христианской жизнью в Преображенском братстве, в которое вошёл в начале 2013 года, – практикой катехизического служения, богослужебными переводами и т. д. Уже будучи немолодым человеком, не только освоил персональный компьютер, но и создал «живой журнал», в котором публиковал свои проповеди, воспоминания, комментарии на церковные, общественные и политические события в России и в городе Пскове. Благодаря этому слово о. Павла могли прочитать люди на разных континентах, разных культур и юрисдикций. Среди тем, которые особенно волновали о. Павла, были: духовное невежество народа, обрядоверие, магическое сознание многих православных христиан, разобщённость клира и мирян, отчуждённость епископата от своей паствы, что являлось признаком потери основного духовного признака церковной жизни – соборности. Батюшка высоко оценивал деяния Поместного Собора 1917–1918 гг. и

считал, что следование его решениям поможет Русской православной церкви выйти из тяжелейшего кризиса...

Особым событием в жизни о. Павла, а также Пскова, Псковской епархии и всей православной церкви стала книга «Догмат о Церкви в канонах и практике», которая родилась из размышлений о. Павла над реалиями Псковской епархии, его собственного служения и участия близких ему священнослужителей. Для церковного общества начала XXI века это книга колоссального значения, и настоящее осознание этого ещё впереди. Это, по сути, диагностика духовных недугов и спасительный рецепт для православной церкви в России. Немало нашлось критиков и открытых неприятелей о. Павла, а вернее, его книги. Послышались возгласы об отсутствии смирения и послушания, о духовной прелести и модернизме, о том, что не должно «сор выносить из избы», а Церковь, как мать, надо любить в её любом состоянии... Это странно было слышать, поскольку если дорогой для тебя человек тяжело болен, а ты его стараешься убедить, что всё прекрасно и никакого лечения не нужно, то вряд ли это можно назвать любовью. Этот обман рано или поздно окончится летальным исходом... **КФ**

Пока человек не признаёт себя больным, его невозможно вылечить

Интервью с предводителем Российского и Московского Дворянского собрания
О.В. Щербачёвым

*Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная.
Фото: Александр Волков*

Олег Вячеславович, Вы участвуете как соучредитель в «Русских беседах» практически с самого их начала. Каковы, на Ваш взгляд, перспективы этого проекта?

Когда Алексей Наумов связался со мной, рассказал о планах предстоящих «Русских бесед» и спросил, не хочу ли я к ним присоединиться, замысел этот мне очень понравился. И буквально со второй беседы я участвовал практически во всех, некоторые даже вёл, и считаю этот проект очень интересным и важным.

Конечно, сложившийся формат – достаточно камерный, но эта камерность позволяет участникам бесед гораздо лучше осоз-

нать и понять ключевые события русской истории и их проекции на современность, увидеть и оценить те или иные качества русского народа. Для меня, например, была настоящим откровением беседа об отношении русских к власти, которую начинал Феликс Разумовский. Очень многое встало на свои места, и я по-новому взглянул на давно известные факты русской истории.

Уверен, практически любая из наших встреч что-то открывала для каждого участника, для каждого слушателя. Для меня было важно то, что практически все беседы косвенно или напрямую были связаны с проблематикой 1917 года, с размышлениями о том, что же произошло с русским народом, почему он ввергся в пучину революции, как произошла эта трагедия. И хотя какого-то однозначного ответа у меня нет и сейчас, но, полагаю, все участники бесед гораздо ближе подошли к пониманию причин совершившейся сто лет назад катастрофы. А понимая эти причины, можно уже, конечно, думать и о том, чего следует избегать и опасаться, что из того, что заложено в русском народе, может «сдетони-

ровать». Именно поэтому я считаю этот проект очень важным и актуальным.

Какие из бесед Вам больше всего запомнились?

Практически все беседы были весьма интересны. Про беседу, в которой участвовал Феликс Разумовский, я уже говорил. Можно вспомнить одну из последних бесед, где докладчиком был Сергей Владимирович Волков. Она была посвящена русским элитам. Мне запомнился один из тезисов, который Сергей Владимирович сформулировал весьма афористично: Российская империя была «удачным проектом». И с этим трудно спорить, потому что, если мы поймём для себя, сколько веков держалась Российская монархия, как долго этот «проект» осуществлялся, то рухнувшая всего лишь после семидесяти лет советская власть (которую кое-кто любит приводить в пример как «замечательное, крепкое государство») – будет для нас, как детский лепет.

В «Русских беседах» участвуют некоторые члены Дворянского собрания. Как они их оценивают?

Практически все, с кем я

¹ О «Русских беседах» рассказывалось в «Кифе» №№ 4(236), 5(237).

Мне кажется, прежде всего важно донести до современного человека, что советский человек и русский человек – это разные субстанции. Я бы сказал – антонимы. И для того, чтобы стать по-настоящему русским человеком, надо преодолеть в себе *homo soveticus*. Только тогда ты вернешься к живородящим корням, которые и позволят тебе прорасти в будущее.

Иван Владимиров. «В театре. Царская ложа». 1918 г.

общаюсь, оценивают эти беседы очень высоко и, когда позволяет время, с удовольствием на них приходят.

Что бы Вы посоветовали тем, кто задумывает «Русские беседы» в других городах? С чего начать, с каких тем?

Когда проект только начинается, особенно в провинциальных городах, я думаю, стоит идти не от темы, а от человека, от докладчика. Для всех нас сейчас есть большая тема: 1917 год и русский народ. Меня эти беседы «зацепили» именно осмыслением катастрофы семнадцатого года, её причин и последствий. Мы размышляли и о том, какие черты в характере русского народа подвели к этой черте, и как то, что случилось в минувшем веке, повлияло на русского человека и на нашу страну. Только после этого можно делать какие-то выводы о будущем. И поэтому любая тема, связанная с темой 1917 года, будет актуальной и востребованной. А дальше надо отталкиваться от того, что конкретный человек может хорошо и интересно рассказать. Ведь ценность бесед в том, что когда докладчик даёт какой-то свой взгляд, начинается обсуждение.

И если доклад «цепляет», происходит интересный разговор. Если же сообщение будет правильным и научным, но не «зацепит» аудиторию, то и беседа не получится.

Так что тем, кто хочет начать «Русские беседы» в том или ином городе, важно продумать, кого они смогут найти и пригласить как центральных докладчиков. Потому что и в Москве-то мы иногда не знаем, кого позвать. А уж когда речь идёт о небольших городах, тем более... Я не хочу, конечно, сказать, что там мало интересных и знающих людей, но ведь нужно, чтобы они согласились выступить и были заинтересованы в этом разговоре. Мне кажется, что именно от этого нужно отталкиваться. А потом вокруг тех или иных спикеров вполне может сложиться определённое сообщество, тот круг, что составит «Русские беседы».

Возможно ли со временем приблизиться и к ответу на те вопросы, который ставит Ф.В. Разумовский в цикле своих передач «Кто мы?»: что мы могли бы унаследовать из прошлого? Как можно восстановить связь с тем подлинным, что есть в нашей истории и

что было так варварски разрушено? Возможно ли, что это станет актуальным не только для небольшого круга, но и постепенно, может быть, для более широкого?

Как сверхзадачу, наверное, такую цель надо ставить. Но мне кажется, что прежде всего важно донести до современного человека, что советский человек и русский человек – это разные субстанции. Я бы сказал – антонимы. И для того, чтобы стать по-настоящему русским человеком, надо преодолеть в себе *homo soveticus*. Только тогда ты вернешься к живородящим корням, которые и позволят тебе прорасти в будущее. И чем больше людей поймут это, поймут всю злокачественность советского прошлого и оторванность советского народа, той новой общности, которая, как было написано в учебниках того времени, «была создана», от русских корней, тем легче будет двигаться вперед, тем более здоровое общество у нас будет постепенно получаться. А без преодоления советского «наследия», без достаточно серьёзной терапии этой опухоли, я боюсь, ничего не получится. Ведь пока человек не признаёт себя больным, его невозможно даже лечить, тем более вылечить. **КФ**

Он – один из прекрасных плодов жизни русской эмиграции, соединяющих старую Россию с той, которая должна возродиться

К 15-летию кончины митрополита Сурожского Антония мы публикуем интервью со священником Георгием Кочетковым

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Отец Георгий, сегодня, в дни 15-летия кончины митрополита Антония, что прежде всего хотелось бы сказать о нём?

И при жизни владыки Антония, и после его кончины всё яснее и яснее становится одно: о нём уже можно говорить как о классике духовной жизни второй половины XX века. Он внёс в неё такой вклад, который нельзя потерять, нельзя забыть. Его читают, к нему прислушиваются. И это, мне кажется, самое главное.

Слава Богу, сохранилось довольно много его произведений – его слов, его выступлений, и выходят новые книги, а не только переиздаются старые.

Ничего, кроме радости в сердце, это не рождает. Конечно, как, к сожалению, часто бывает в таких случаях, рождаются мифы: кто-то слишком идеализирует владыку, а кто-то, может быть, немного искажает то, о чём он говорил, его мысли, его настрой, его дух. Поэтому очень важно свидетельство тех, кто его лично помнил и знал, очень важно, может быть, даже что-то новое писать о владыке Антонии. Пусть это будет немного субъективно, но всё равно это очень важно.

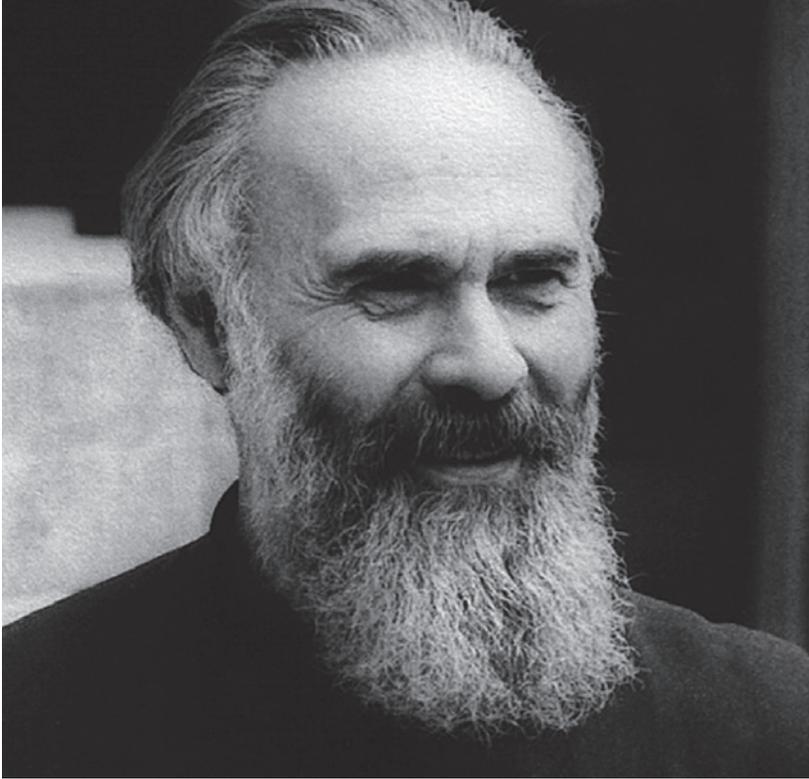
Я лично считаю, что владыка Антоний – это светоч на нашем небосклоне. Это один из тех прекрасных плодов жизни русской эмиграции первой волны, что соединяют старую Россию с той, которая должна возродиться и восстановиться, но которой пока ещё, может быть, в полной мере нет. Для того, чтобы произошло это соединение, важно, чтобы новая Россия была аутентичной, чтобы народ был православным. Да, страна, государство, общество не могут быть целиком воцерковлены. А вот люди могут воцерковляться, в полной мере отдавать своё сердце Христу, служить Богу

и ближним. И здесь, конечно, слово владыки Антония невозможно переоценить. Его внутрицерковный опыт и опыт, направленный на внешних ищущих людей, очень важен.

Каким Вы лично его помните?

Мне немного сложно отвечать на этот вопрос. Дело в том, что воздействие владыки на всех слушателей было всегда очень велико. Я не раз слушал его в разных храмах в Москве и Петербурге, и читал много. Это было почти магическое воздействие, может быть, немного психологическое. А я всегда – ну, так уж сложился мой духовный путь и опыт, – к психологизму относился очень настороженно. Так что я, с одной стороны, всегда с большой радостью слушал и читал владыку Антония, с другой стороны, с трудом воспринимал повышенный психологизм его опыта. Но несмотря на эти личные сложности восприятия опыт владыки я считаю очень ценным для нашей церкви сейчас.

Этот опыт – один из многих путей, которые Господь открыл

У него была замечательная вера в человека. И этой вере надо учиться. Я считаю, что это самое главное. Но у него была и вера в церковь. Это тоже очень важная вещь. Мы сейчас пока мало акцентируем внимание на этой части его наследия, а оно замечательное. Он всё-таки был ещё и замечательным архиереем, замечательным руководителем своей епархии. Он хотел устроить её по лучшим принципам, принятым на Великом Московском соборе 1917–1918 гг.

в нашей церкви в XX веке. Здесь очень важно воспринимать всё вместе – и опыт отца Александра Шмемана, и опыт отца Иоанна Майндорфа, и опыт Н.А. Бердяева, отца Сергия Булгакова. Опыт русской эмиграции первой и второй волны надо воспринимать как целостность, где все друг друга замечательно дополняют. Конечно, есть самые выдающиеся люди, самые великие и святые. А есть, может быть, и не совсем святые или великие. Но всё равно это совокупность десятков или даже сотен людей, которые прославили Господа и православие, и Россию, русскую культуру, русский народ в тех тяжёлых условиях, в которых им, как правило, приходилось жить. Противоречия между ними могут быть, это всегда так. Но мне кажется, важно учитывать, что всё, что оставили нам деятели русского религиозно-философского возрождения, начавшегося в конце XIX и продолжавшегося практически весь XX век, замечательно именно в своей совокупности, в своей взаимодополнительности. Это относится и к владыке Антонию Сурожскому. Его личный вклад очень значите-

лен, но он особенно хорошо может приносить духовные плоды в совокупности с другими людьми этого времени, этого круга, этой судьбы.

Что Вы считаете наиболее ценным из наследия владыки Антония?

В нём чувствовался глубокий опыт подлинного общения. Он искал этого общения через встречу, иногда чисто человеческую. Но то, что начинается с чисто человеческого, может стать богочеловеческим, а значит и церковным.

У него была замечательная вера в человека. И этой вере надо учиться. Я считаю, что это самое главное. Но у него была и вера в церковь. Это тоже очень важная вещь. Мы сейчас пока мало акцентируем внимание на этой части его наследия, а оно замечательное. Он всё-таки был ещё и замечательным архиереем, замечательным руководителем своей епархии. Он хотел устроить её по лучшим принципам, принятым на Великом Московском соборе 1917–1918 гг. Он старался не терять личностного начала – и

не терять общинного начала, т. е. настоящего церковного начала. Не только личностное и личное общение и не только личная встреча была для него важна – хотя, безусловно, это было на первом месте, – но и церковное служение и общение, в том числе евхаристическое.

Вы ведь не только бывали на встречах с ним в России, но и приезжали к нему в Лондон в середине 1990-х?

Он пригласил меня в Лондон, чтобы расспросить о нашем братстве. И теперь-то я очень хорошо понимаю почему. Он немного боялся каких-то «загибов», преувеличений, каких-то слишком поспешных шагов. Он меня пригласил в алтарь, мы долго беседовали, и он убедился в том, что ничего такого нет, успокоился, всё благословил и пожелал нашему братству и прихожанам храма Успения в Печатниках «крепнуть, углубляться, расти и светить всем вокруг: и верующим, и неверующим, ибо свет Христов просвещает всех». Он поддержал всё, что мы делали и делаем. И это было очень важно. **КФ**

Братский помянник

2 августа 1930 года был расстрелян священномученик Иоанн Стеблин-Каменский (1887–1930).

В Первую мировую войну он был морским офицером. В 36 лет стал celibатным священником. Первый арест с заключением в тюрьму на несколько месяцев пережил в 1920 году, ещё будучи в сане дьякона. В 1924-м вновь был арестован по «делу православных братств» за то, что встречался с верующими не только в храме, но и по квартирам для чтения Писания. Был приговорён к 3 годам Соловецкого лагеря. Сразу после лагеря в 1927 году сослан в Воронеж, где организовал сбор помощи соловецким узникам и стал одним из лидеров иосифлян. Последний раз был арестован в 1929 году. В 1930 году расстрелян в окрестностях Воронежа вместе с ещё 10 священниками и мирянами, обвинявшимися в создании контрреволюционной организации. В 2000 году причислен церковью к лику святых.

5 августа 2013 года был убит исповедник веры протоиерей Павел Адельгейм (1938–2013).

С восьми лет после ареста матери жил в детдоме (отец был расстрелян), затем вместе с матерью находился на принудительном поселении в Казахстане.

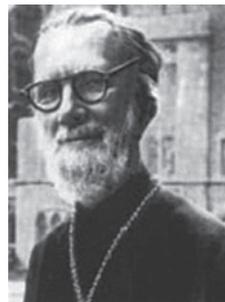
В 18 лет поступил в Киевскую духовную семинарию. Через 3 года был исключён из семинарии игуменом Филаретом (Денисенко) по политическим мотивам. В том же году рукоположен архиепископом Ермогеном (Голубевым) во диакона к Ташкентскому кафедральному собору. В 1964 году, по окончании Московской духовной академии, назначен священником в город Каган Узбекской ССР. В 1969 году построил там новый храм, освящённый во имя святителя Николая. В том же году арестован за распространение самиздата по статье 190-1 «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Как вспоминал он позже, «у меня нашли довольно много стихов поэтов Серебряного века: Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Волошина. Суд решил, что все эти произведения писал я сам, а приписывал их известным поэтам». После года заключения во внутренней тюрь-

ме КГБ был осуждён на три года лагерей. Освободился из заключения инвалидом в 1972 году. Служил в Фергане и Красноводске.

С 1976 года – клирик Псковской епархии. До февраля 2008 года был настоятелем храма святых Жён-Мироносиц, в последние годы жизни служил в нём священником. Подвергался все эти годы долгим, упорным гонениям со стороны митрополита Псковского Евсевия.

Все годы служения старался собирать вокруг себя активных, заинтересованных мирян, искал осуществления в жизни церкви принципа соборности, поэтому очень интересовался опытом Преображенского братства, членом которого стал незадолго до кончины.

11 августа 1979 года отошёл ко Господу протоиерей Георгий Флоровский (1893–1979).

В Праге он участвовал в создании Русского религиозно-философского общества, принимал участие в работе первого съезда Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Пшерове. Вступил в Братство святой Софии,

основанное прот. Сергием Булгаковым. Переехав в Париж, сразу же стал блестяще преподавать патрологию в Свято-Сергиевском институте. Издал в Париже свои наиболее известные труды: «Восточные отцы IV века», «Византийские отцы V–VIII вв.», «Пути русского богословия». В основе богословской и философской позиции Флоровского лежит идея «неопатристического синтеза», возвращения к учению Отцов Церкви. Такой путь, по его убеждению, предполагает восприятие и «синтез» метафизического содержания патристики с учётом современного философского опыта («Вперёд – к Отцам»).

13 августа 1922 года был расстрелян священномученик Вениамин (Казанский) (1873–1922).

Глубокая вера, стремление к единению верующих, сила духа в жизни Петроградской епархии под управлением владыки Вениамина делали невозможное. В городе открылся Богословский институт, принимающий на богословское отделение и мужчин, и женщин. Расцвело братское движение, которое владыка лично поддержи-

вал, часто бывая на братских богослужениях и даже отдав свою митрополицию церковь одному из братств. О предстоящем расстреле он был предупреждён: чтобы избежать смертного приговора, достаточно было снять запрет с обновленческих лидеров, пытавшихся занять место находившегося под домашним арестом патриарха Тихона. Митрополит Вениамин, понимая, что невозможно допустить раздиранье церкви во время возрастающих гонений со стороны советской власти, не согласился на это условие. В 1992 году прославлен в лике святых. В июне 2018 года в Петербурге появилось малое православное братство во имя священномученика Вениамина. Оно входит в Преображенское содружество малых православных братств.

13 августа 1978 г. отошёл ко Господу архимандрит Таврион (Батозский) (1898–1978).

Приняв монашество в 1920 году, он часто вынужден был покидать монастыри, закрывавшиеся властью: Глинская пустынь, Новоспасский монастырь в Москве, Рильский монастырь в Курской епархии, Марков монастырь в Витебске... Двадцать семь лет о. Таврион пробыл в ссылках и лагерях за то, что участвовал в организации тайных выборов патриарха после кончины патриарха Тихона. Спасо-Преображенская пустынь под Елгавой в Латвии, последнее место служения о. Тавриона, привлекала паломников, по словам архим. Виктора (Мамонтова) не мироточивыми иконами или мощами, а «тем, что она была живой Церковью, где царил

дух любви и служения друг другу. Отец Таврион явился истинным воссоздателем общинной жизни, практиком евхарстического возрождения».

19 августа 1898 г. отошёл ко Господу епископ Михаил (Грибановский) (1856–1898).

Больше всего он известен как человек, во многом ставший прототипом для чеховского «Архиерея». Многим известна его замечательная книга «Над Евангелием». Но владыка Михаил многое менял в своем окружении и самим фактом своего присутствия. Например, в летописях Санкт-Петербургской академии его имя связывается с историей восстановления в ней студенческого монашества. Многие из «молодой дружины его единомышленников» приняли монашеский постриг. До этого в СПбДА в течение 20 лет никто из студентов монашества не принимал. Вот что он писал в дневнике, принимая это решение: «В монашестве я жажду преклонить, поработить себя всего Христу, обуздать себя, свою волю и сердце, и вместе меня манит скрывающаяся тут сила. Я хочу точно опереться на Бога, чтобы ворочать миром и направлять его к соединению со Христом. Гордость. Нет смиренья. Нужно молиться».

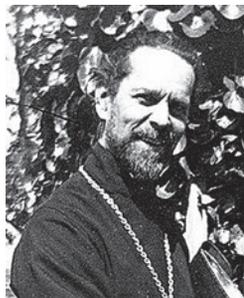
19 августа 1927 г. отошёл ко Господу священномученик протоиерей Александр Сахаров (1873–1927).

Выпускник СПбДА, кандидат богословия, он служил в разных храмах Петрограда,

а во время Первой мировой войны был полковым священником. В январе 1924 года в ОГПУ поступил донос, в котором говорилось, что протоиерей Александр Сахаров «сообщал прихожанам, что после смерти одного «антихриста», указывая на <...> товарища Ленина, очередь за другим, и что только тогда Россия и мы можем свободно вздохнуть». Был арестован по «делу Спасского братства», виновным себя не признал. Скончался в Соловецком лагере, погребён в безвестной могиле. В 2000 году причислен церковью к лику святых.

24 августа 1934 года отошёл ко Господу священник Александр Ельчанинов (1881–1934).

После окончания исторического факультета Петербургского университета отказался от академической карьеры и поступил в Московскую духовную академию. Активно участвовал в церковной и общественной жизни Москвы: вступил в Христианское братство борьбы, основанное Валентином Свенцицким, был членом совета и секретарём Религиозно-философского общества им. В. Соловьёва, читал лекции по истории религии и о новой русской религиозной мысли. Эмигрировал в 1921 году и вскоре стал во Франции одним из руководителей РСХД. Отец Сергей Булгаков говорил об

о. Александре: «Он представлял собой явление необычайное и исключительное, ибо воплощал в себе органическую слиянность смиренной преданности православию и простоты детской веры со всей утончённостью русского культурного предания».

30 августа 1992 года отошла ко Господу монахиня Елена (Казимирчак-Полонская) (1902–1992).

Она была доктором физико-математических наук, доктором философии, астрономом, миссионером, духовной дочерью и исследователем творчества о. Сергия Булгакова. Родилась в дворянской семье на территории современной Польши. Активно участвовала в деятельности РСХД.

После Второй мировой войны приехала в СССР с целью миссии среди неверующих. Была арестована в январе 1952 года, однако через 8 месяцев была отпущена в связи с отсутствием доказательств преступления. Вела в Ленинграде два тайных миссионерских кружка: для молодежи и людей более старшего возраста. Некоторые участники кружка со временем стали священниками. В 1987 году приняла монашеский постриг (благословение на него за 50 лет до этого ей дал о. Сергей Булгаков).

В 1988–1989 годах, практически потеряв зрение, читала по памяти в ЛДА курс общедоступных лекций о жизни и творчестве о. Сергия Булгакова. Незадолго до кончины основала общину во имя прп. Сергия Радонежского. **КФ**

Преображение – это укрепление в вере перед Крестом

Из слова архим. Тавриона (Батозского) после всенощной под праздник Преображения Господня 18 августа 1976 года

Преображенская пустынь под Елгавой, где о. Таврион был духовником с 1969 года. В 1970-е годы монастырь стали посещать многочисленные паломники. В летние месяцы здесь каждый день причащались до 150–200 человек

Так вот, братья и сёстры, чтобы ученики не сомневались, Господь им открывает – Кто Он такой. И вот, на горе преобразился, во время молитвы, показал им представителей от святых: Илия, и другой – Моисей, и они беседовали о том, что Ему предстоит принять в Иерусалиме крест. Ученики видели Его славу, потом

они слышали голос от Отца: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Которого послушайте!». Почему именно такая ясность нужна была для учеников, чтобы они поняли, кто такой Сын Божий? Чтобы они ещё больше свидетельствовали о Своём Учителе и Господе!

И когда Господь будет отвергнут и будет в муках на кресте

умирать, когда Его быстро, скоро так похоронят, и гроб Его запечатывают, – чтобы у них не было сомнений в вере, что Он именно добровольно, ради спасения мира, принимает на Себя крест. Чтобы они не усомнились в этом – вот, Господь им открыл такое величество славы, которое только могло вместить человеческое естество. Как могли они вме-

*Сердце у человека есть? Есть!
Так после этого, спрашиваю, какое
же основание у тебя для неверия?
Никакого нет.*

стить, апостолы, такую полноту славы Господь раскрыл. Почему это так? Предстояло ученикам такое испытание веры – чтобы они не усомнились!

Но возьмите факты: одни предали, другие отреклись, а третьи разбежались... Почему же это так? Господь ведь предупреждает! Если Он предупреждает учеников, то каждого из нас Он предупреждает. Видите, Господь предупреждал и о том, что когда убьют Его, распнут Его – чтобы они не усомнились, чтобы знали: Он добровольно идёт на крест, чтобы искупить грех людей, всех людей.

Так точно, братья и сестры, и нам. Видите: Господь предупреждал Своих учеников, а нас не предупреждает? Да, мы имеем очи, имеем разум. Разве небеса не говорят нам о славе Божьей? Разве земля не говорит нам об Отце? Разве совесть не говорит, что это есть голос Божий? ...Что же мы: закроем глаза, чтобы нам не видеть славу небесных светил? Не станем удивляться красоте земли, и потому пусть она нам не проповедует об Отце? Потом заглушим свою совесть, чтобы в совести мы ничего не испытали другого?

Сердце у человека есть? Есть! Так после этого, спрашиваю, какое же основание у тебя для неверия? Никакого нет. Оснований для неверия нет. Основание есть для благоговейной радостной веры, что ты – дитя Божие, и что Господь таким прекрасным тебя создал! Как Он печётся о тебе! Каким миром Он тебя окружил!

Для того только, чтобы ты жил и прославлял Бога и сам нравственно преуспевал.

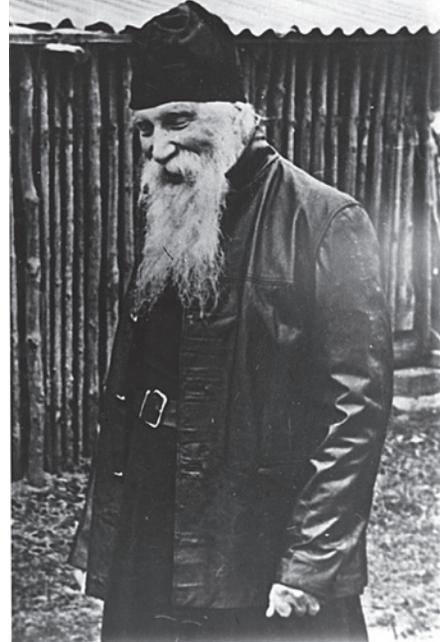
Вот так точно, как и апостолов Господь предупреждал, чтобы что-нибудь если случится, они не усомнились бы в Нём, потому что – вот Он Кто такой! – так точно и нас, братья и сестры.

Конечно, если мы откажемся от разума, так мы откажемся и от веры, откажемся от нравственных основ жизни, и будем жить, в сущности, вне их. А Господь беспокоится! Небеса всегда блещут звёздами; земля – какие она нам прекрасные плоды приносит! Мы кушаем, радуемся, утешаемся. И совесть нам говорит, а ещё – крепко говорит, когда мы втайне нарушаем закон совести, крепко говорит нам.

А потом – что жизнь наша? Куда ты, человек, идёшь? Идёшь туда, к могилке! Да и не просто умирать будешь, а как ещё умирать будешь? Может, живьём черви тебя грызть будут? Куда уйдёшь? Вот что! Что мы из мира можем взять? Разумность. Мы – дети Божьи! Когда мы будем эту основную истину иметь, тогда мы поймём. Поэтому-то Господь, уча своих учеников, на просьбу: «Господи, научи нас молиться!», дал им эту молитву, в которой мы молимся словами «Отче наш, сущий на Небесах».

Так вот, всегда будем помнить, что мы дети Божьи и ещё – то, что мы дети Церкви. Да, Боже, это нам принадлежит. Поэтому постараемся, братья, жить достойно любви Божьей.

Да, наступает великий Празд-

Отец Таврион. 1970-е гг.

ник. Постараемся великое таинство этого праздника пережить и прилагать к своей вере.

А теперь, братья и сестры, заканчивая наше вечернее богослужение, хочу напомнить, что завтра у нас Божественная Литургия своевременно. Так вот, видите, Господь нас призывает – есть возможность очищать совесть исповедью, есть возможность прийти к Чаше Христовой.

Что, разве мы такие добрые, благодатные возможности, как здесь, можем где-то ещё иметь? Как нам хорошо здесь быть! Раз нам хорошо быть здесь, значит – завтра обязательно будем участниками божественной благодати: божественной благодати прощения грехов и божественной благодати общения с Господом в Таинстве Тела и Крови Его.

Да, все вы это получите, братья и сестры, все, и вы всё-всё сделаете, что и сердце ваше будет по сердцу Божию. Этого Господь и хочет. Тогда вот, действительно, будет праздник Преображения. Дай Бог нам!

А теперь, заканчивая вечернее богослужение, мы поручаем друг друга, сами себя и всех наших дорогих больных, страдающих, тружеников божественной заботе и милосердию – всех тех, кто просит наших молитв... **КФ**

«От вас зависит судьба России»

Так в 1895 году обращался к семинаристам епископ Михаил (Грибановский)

Текст: Анастасия Наконечная

Епископ Михаил (Грибановский) прожил в Полтаве лишь чуть больше года, однако всё это время был крайне внимателен к жизни местной семинарии. Он считал, что учащиеся семинарии должны в первую очередь учиться проповедовать Христа всем сердцем.

То же самое он относил к себе и ко всем служителям церкви: «Я должен подобно апостолам быть пламенеющим светочем веры, надёжным хранителем и воодушевлённым провозвестником преданного Церкви учения Христова. Подобно им, я должен буду в пределах вверенной мне области, лично и устами пресвитеров, безбоязненно и настойчиво проповедовать Евангелие Царствия Божия всем и всюду, приспособляясь ко всякому духовному и телесному возрасту и ко всякому внешнему положению, чтобы во всех возбудить жажду духовного обновления свыше».

Биограф вл. Михаила, смотритель симферопольского духовного училища А.И. Леонтьев, так говорит о первых шагах вл. Михаила в епископском служении в Полтаве: «На первых же порах учебные заведения, особенно семинария, почувствовали, что руководит учебно-воспитательным делом человек широких и просвещённых взглядов, идейный и высоко ставящий задачи духовного образования, человек глубоко верующий и любящий своё дело... В его беседах живо чувствовался голос человека,

практически знакомого с образовательным процессом, много думавшего и работавшего над ним, человека в полном смысле всесторонне просвещённого, а не узкого специалиста.

Преосвященный Михаил всемерно старался сблизиться с преподавателями семинарии, войти в интересы их дела, делиться с ними своими взглядами и убеждениями, руководить ими и ободрять их в исполнении важной, но в то же время и нелёгкой миссии. Обаятельная личность владыки, с его простотой и ласковостью, с его архипастырской вдохновенностью, невольно привлекала к себе и сделалась центром, около которого группировались педагогические силы духовно-учебного мира города Полтавы...»

Однако уже через год у вл. Михаила был обнаружен туберкулёз (горловая чахотка), лечить которую предлагалось при полной смене климата. Вскоре владыка был спешно командирован в Крым и в последние дни пребывания в Полтаве из-за болезни не смог побывать в семинарии и проститься с семинаристами лично. Поэтому перед отъездом он отправил им своё искреннее прощальное письмо.

Читая эти строки сегодня, когда знаешь, что произошло с Россией уже через двадцать лет, невольно поражаешься той пророческой силе, с которой вл. Михаил ощущал необходимость жертвенного служения в Церкви для её подлинного возрождения.

Епископ Михаил (Грибановский)

Дорогие питомцы Полтавской семинарии!

Искренно и глубоко сожалею, что мне невозможно лично проститься с вами, благословить вас и высказать вам свои сердечные пожелания.

Молю Бога, да поможет Он вам Своею благодатной силой быть достойными того великого звания, к которому Он призывает вас.

Не угашайте в себе духа, а воспламеняйте его. Заботьтесь всячески о его подъёме и не поддавайтесь той будничной рутине, тому будничному настроению, которое окружает каждого из вас и в жизни, и в школе и каждого старается втянуть в себя. Учебная сторона вашего дела представляется, может быть, вам в виде скучных учебников и балловых отметок. Но станьте выше этого

В вас будущее русской земли и Русской Православной церкви... Стыдно и горько будет, если мы окажемся недостойными своей высокой миссии, и страшное наказание ожидает нас за это от Бога.

воззрения. Вдумайтесь, сколько человеческих усилий было положено, сколько Божией любви и мудрости было проявлено, чтобы открыть те истины, которые вам предлагаются в этих по-видимому сухих книгах! Подумайте, сколько в их кратких формулах сосредоточено света знания и как рвались и рвутся к нему лучшие из людей! Вспомните, приведите на память рассказы ваших отцов, как в старину проводили целые ночи над латинскими учебниками по богословию и философии, лишь бы почерпнуть крупицу знаний! Каждый из вас, я думаю, знает деревенских мальчиков, которые рады были бы просидеть часы и дни, лишь бы поучиться и знать кое-что, и однако для них нет такой возможности! Представьте, сколько можно просветить народу теми сведениями, которые вы получаете из учебников; сколько можно добра сделать, нравственно облагородить, привлечь ко Христу и Церкви, если живо и сознательно воспринять то, что предлагается вам, – и вы поймёте, что будничные взгляды на учебное дело – взгляд низменный, ложный взгляд, к которому всегда склоняет нас враг человеческой жизни, враг Христова света и Христовой совершенной жизни. А если станете на высоту христианского взгляда на ваше просвещение, то само собой установится ваше отношение и к той дисциплине, к тому строю жизни, который установлен в вашем заведении. Вы будете выше всяких

стеснений, вы не будете чувствовать их. Вы сами свободно пойдёте и на молитву, сами свободно признаете и часы занятий, и часы отдыха и сна, и внешние основные требования будут совершенно совпадать с вашими внутренними. Ведь знайте, что внешний воспитательный порядок вашей жизни есть тоже результат усилий лучших людей и долговременного опыта, и кто смотрит на всё это только как на произвол начальства, тот глубоко и грубо ошибается, – это всё тот же низменный, будничные взгляд, о котором я говорил выше и который недостойн вашего высокого призвания...

Наконец, не могу не умолять вас на прощание применить ту же высокую точку зрения и на будущее ваше служение в качестве просветителей народа и пастырей его. Вы, конечно, сами знаете, как велики и святы эти задачи; но вам нужно поработать над собой, чтобы сердцем и всей душой почувствовать это величие и святость их и отдаться безраздельно их выполнению. В вас будущее русской земли и Русской Православной церкви... В ваших руках души народа, выполнение всех его надежд, осуществление всей его глубокой веры. Стыдно и горько будет, если мы окажемся недостойными своей высокой миссии, и страшное наказание ожидает нас за это от Бога, не говорю уже о презрении народа и будущей истории.

Вас страшит незаметность вашего будущего подвига. Но

представьте, что хотя бы десяток из вас на каждый год выступали в жизнь с полным самоотвержением, с жаждой послужить народу и Церкви общими и дружными усилиями – ведь на ваших глазах наступило бы возрождение полтавской Церкви, а с ней и народной жизни, и народного просвещения. Неужели этого мало было бы, чтобы вполне удовлетворить самое великое сердце, самые пламенные его мечты? Нет, незаметность подвига удерживает вас от стремлений к истине, а то же будничное низменное настроение, о котором я говорил выше и которое стоит при дверях сердца каждого из вас и ловит всякий момент, чтобы овладеть им! Будьте же свободны и стряхните его иго! Молитесь Господу, и Он поможет вам! И на сердце вашем, полном братской взаимной любви, будет весело и радостно, и вся жизнь, и всё настоящее и будущее осветится таким светом, согреется такой теплотой, о которой теперь не можете и мечтать. От всей моей души молю об этом нашего Господа! И если кому-нибудь из вас сердце подскажет, что только любовь к вам водила сейчас моим пером и я говорю только сущую правду, – то я буду считать свою цель достигнутой; а если вы и в жизни вспомните и приложите к делу мои слова, то я буду вполне счастлив, – только при этом попрошу присоединить и ваши сердечные молитвы обо мне.

*Михаил, епископ Каширский
19 декабря 1895 г. Полтава КФ*

Когда преподаватель – ещё и брат во Христе

В каждом из номеров преподаватель и студент рассказывают про очередные 5 лет жизни института. Сегодня речь о пятилетии 1994–1998 гг.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Анатолий Мозгов († 2008)

Интервью с одной из студенток СФИ в 1990-е годы, ныне деканом факультета религиоведения Маргаритой Васильевной Шилкиной

В какие годы Вы учились в СФИ?

Летом 1994 года мы, пятеро тверичей, в основном преподаватели Тверского (тогда Калининского) университета, подошли к о. Георгию Кочеткову во Владимирском соборе и сказали, что хотим учиться в высшей православной школе и не на заочном отделении (к слову, его тогда ещё не было, оно открылось только к декабрю), а на очном. Он очень удивился, потому что Тверь – это достаточно далеко, три часа тогда надо было ехать на электричке, но всё-таки сказал: «Ну, пробуйте».

Братская жизнь, начавшая устраиваться в те годы в Твери, была для всех нас огромным про-

странством счастья и попытке созидать. Но как только мы хоть что-то начали делать сами, мы мгновенно поняли, что ничего не знаем и ничего не умеем. И поэтому учились очень жадно. Мы ездили на лекции в среднем два раза в неделю. Поскольку мы преподавали в ТвГУ в первой половине дня, к шести часам мы успевали приехать в Москву. Мы слушали лекции в приходских помещениях рядом с храмом и на последней десятичасовой электричке уезжали обратно. Приезжали в час ночи, и всегда, все годы нас встречал на вокзале Володя Лавренов; чаще всего я шла ночевать к Лавреновым, потому что моя квартира была далеко, а утром шла на работу.

Наш курс был самым первым курсом, который попал на лекции о. Георгия по миссиологии, катехетике и гомилетике. Он читал их в первый раз, собрав все пять курсов. И у меня на его лекциях было ощущение, что «мозги плавятся». Дело было даже не в том, что мы очень многого не понимали. Как

раз на рациональном уровне мы что-то понимали, но очень хорошо чувствовали, что не понимаем чего-то другого, очень глубинного, важного. Потому что для этих лекций был нужен опыт церковной жизни, да и сакраментология, и литургика ещё были впереди, а ведь курс катехетики должен опираться на них. Поэтому приходилось осваивать всё одновременно. Но больше всего мне помнятся именно эти лекции, а ещё, конечно, лекции Александра Михайловича Копировского, поскольку он читал церковную археологию, а я о церковном искусстве тогда совсем ничего не знала. Но знания об искусстве я черпала в них даже во вторую очередь, а в первую очередь узнавала то, что касалось жизни церкви, её истории.

Очень запомнились лекции Давида Мкртчичевича Гзгзяна по догматике. Это были уже старшие курсы, и это был просто какой-то интеллектуальный пир. Он не пересказывал святых отцов, а как бы «вводил в их лабораторию мысли» и предлагал пройти их

Из истории СФИ

- 1994 год: школа получает имя святителя Филарета Московского – выдающегося церковного деятеля, богослова и проповедника, организатора Синодального перевода Библии на русский язык, составителя «Пространного христианского катехизиса Православной Кафолической Восточной церкви»
- 1996 год: на Татьянин день 25 января освящены новые помещения института на ул. Покровка
- 1997 год: в феврале Святейший Патриарх Алексий II благословляет устройство часовни во имя святителя Филарета Московского в помещениях СФИ
- 1998 год: институт получает Представление ОРОиК о соответствии учебных программ СФИ православному вероучению. Подобный документ СФИ получает в дальнейшем при каждом повторном лицензировании

Освящение новых помещений СФИ.
25 января 1996 г.

путем и прийти к тем же выводам. Показывал все противоречия, нерешённые проблемы. И поскольку всё-таки мы были преподавателями университета, мы очень хорошо понимали, что происходит, как нам преподают.

Очень помнятся блестящие лекции по истории философии Леонида Ивановича Василенко, а на старших курсах – по русской религиозной философии Татьяны Николаевны Панченко. Я всегда приезжала на них с радостью.

Поражала нас и атмосфера в институте. Я всё-таки к тому времени сама была и преподавателем, и даже одно время исполняющей обязанности зав. кафедрой, и более или менее понимала, что такое вуз. На юридическом факультете Калининского университета, где я работала, атмосфера была очень хорошей. Но здесь, в СФИ, было что-то другое. Мы понимали, что нам гораздо больше стараются дать не только ради учебы, но любой преподаватель – это ещё и брат, тот, с кем ты завтра пойдёшь на литургию, тот, кто тебе поможет провести ту или иную общинную встречу, кто был твоим катехизатором... Эта погружённость в общую жизнь поражала, конечно, больше всего.

Литературы в те годы не было почти никакой. И я все свои курсовые в основном писала на материалах издания Преображенского братства и СФИ – журнала «Православная община». Мы прочитывали каждый номер до дыр как только он выходил, потому что там публиковались лучшие статьи богословов разных веков, прежде всего – XX века. Это был очень хороший опыт учёбы.

Вы были уже преподавателями вуза. У вас не было ни малейшего сомнения, что вам нужно это образование? Ведь вы все уже и так много знали...

У меня было такое ощущение, что я не знаю ничего, что я какой-то школьник начальных классов по сравнению с теми глубинами, которые мне открываются. К тому времени, как я начала изучать в СФИ курс истории философии, я была кандидатом философских наук. Я больше всего заботилась о том, чтобы никто, особенно преподаватель, не дай Бог, об этом не узнал. Потому что имена, которые нам называли, мы слышали первый раз в жизни. О тех глубинных процессах, которые мы обсуждали, ничего не рассказывалось в советской философии. А другие

предметы вообще не пересекались со светским образованием. И поэтому единственное, что мне давало уже имеющееся светское образование, – это навык работы с литературой, понимание того, что такое план лекции, что такое её главная часть, умение выделять и записывать главное, а не фиксировать всё подряд. Поэтому я уверена, например, что в Свято-Филаретовский институт надо идти учиться людям с высшим светским образованием. Потому что богословское образование – это более глубокое образование. И, конечно, давать его детям в 18–20 лет – это плохо. Они возьмут из него очень немного, возьмут сумму информации, а богословское образование – не в этом. Оно в способности соединять свою церковную жизнь с умением её анализировать, с умением входить в Предание церкви. А Предание – это ведь не сумма знаний, это ещё и тот дух, который в тебе развивает желание размышлять, как-то осмысливать церковную жизнь, искать ответы на новые вопросы.

Правда ли, что о. Георгий Кочетков и А.М. Копировский были самыми строгими преподавателями в СФИ?

На конференции «Приход в православии» выступает протопресв. Виталий Боровой. 1994 г.

Отец Георгий был достаточно строгим. Особенно на старших курсах, когда он вёл у нас семинары по мистике. Он не позволял студентам проявлять расхлябанность: если человек приходил на семинар и совершенно спокойно говорил, что не успел прочитать нужную литературу, о. Георгий мог просто сказать: «Иди домой и читай». И после того, как такое случилось один-два раза, люди поняли: надо готовиться, надо учиться. В то же время он очень

помогал любому, кто задавал вопросы, кто просил литературу, и готов был долго такому человеку объяснять, рассказывать.

Что касается Александра Михайловича, главное, что помнится от этих лет – огромная благодарность за то, что он всё время помнил: на лекции сидят люди, которым минута в минуту нужно выскочить из аудитории, чтобы успеть добежать до последней электрички. Он не задержал нас ни разу, хотя в конце обычно

говорил: «У кого есть вопросы, пожалуйста, оставайтесь, я готов отвечать». С каких-то других лекций, которые иногда были минут на десять длиннее положенного, нам просто приходилось уходить раньше, и какие-то «хвостики» мы не дослушивали. А он всегда, помня о нас, заканчивал вовремя.

И ещё я до сих пор помню, что когда мы приезжали, нас встречали, понимая, что люди приехали после работы, поэтому на каждой перемене был горячий чай и сахар. Если мы хотели какие-нибудь сушки, то мы их приносили с собой (многие, наверное, помнят, какие это были голодные годы). Этот чай готовила для всех студентов секретарь института (в последние годы моей учебы – Зоя Михайловна Дашевская). Это тоже было очень здорово и непривычно по сравнению со светским вузом.

Интервью с заведующим кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ Давидом Мкртичевичем Гзгзяном

На что было похоже преподавание в СФИ с 1994 по 1998 год?

В чём-то это была импровизация. Потому что не было учебников, а по некоторым предметам их и быть не могло. Например,

по христианской этике. Такого предмета до сих пор нет даже в курсах Академии. Есть некий эквивалент – нравственное богословие, но это больше напоминает гомилетику. Мы (здесь я говорю прежде всего о себе) читали книги, пытались внутри себя что-то собрать, систематизировать, и старались, чтобы всё это было живо и осмысленно.

По тем предметам, по которым не было преподавателей, назначались кураторы. Они должны были беседовать со студентами об основной литературе. Формальных

инструкций, как всё это вести, не было. Кураторы ориентировались на общие указания ректора и на собственную интуицию.

А вот языки очень рано преподавались профессионалами – церковнославянский, греческий, даже иврит. Церковнославянский преподавала Александра Плетнёва, супруга Александра Кравецкого, а потом отец Александр Троицкий. Позже и свои специалисты появились, благо это всё-таки предмет, достаточно широко изучаемый на филологических факультетах.

Занимались частью в Красном доме¹, пока он ещё был, а частью по домам. В 1996 году появилась первая квартира на Покровке². Часть занятий (какие-то предметы преподавались по квартирам) стала проходить там, там же был и офис института.

Много было студентов?

Курсы набирались без особого труда, иногда поступало несколько десятков абитуриентов, но потом довольно много народу отсеивалось. Очень трудно было с письменными работами. Сейчас к соискателям есть чёткие академические требования, тогда же их ещё не было, так же как и отработанных процедур защиты. Всё происходило очень «штучно». И мало кто доходил до конца последнего курса.

На какие труды, учебники Вы прежде всего опирались?

Опирались впрямую было практически не на что, надёжных учебников, которые могли бы удовлетворить институт, просто не было. Это ещё отец Виталий Боровой отмечал. По старым учебникам протопр. Михаила Помазанского или еп. Сильвестра (Малеванского) мы не хотели преподавать. Элементарно не было книг. Когда были изданы «Лекции по истории Древней церкви» В.В. Болотова, я начал преподавать классическую догматику с

Начало нового, 1997/1998 учебного года в СФИ. В президиуме – С.С. Аверинцев, свящ. Георгий Кочетков, А.М. Копировский. 14 сентября 1997 г.

опорой на это издание, подробно описывающее ход богословских споров эпохи Вселенских соборов. Но чтобы не воспроизводить лекции по церковной истории, а рассказывать об учении Церкви, нужно было все эти тексты как-то через себя пропускать, осмысливать.

Что же касается этики, там вообще не на что было опереться. Я помню, в качестве учебника рекомендовал студентам то «Оправдание добра» Владимира Соловьева, то «Условия абсолютного добра» Николая Лосского. Конечно, ни то, ни другое учебником быть не могло. К этим книгам мы обращались просто уже от беспомощности, всё равно больше ничего не было.

А студенты того времени – они как-то отличались от нынешних?

Да, отличались. К слову говоря, из тогдашнего поколения сту-

дентов выросли многие нынешние преподаватели – среди них ученый секретарь СФИ Лариса Юрьевна Мусина, деканы богословского и религиоведческого факультетов Зоя Михайловна Дашевская и Маргарита Васильевна Шилкина. Многие студенты того времени отличались очень серьёзной внутренней мотивацией, что сейчас встречается редко, как и редко кто-то из нынешних студентов вырастает в преподавателей, хотя есть и исключения, конечно. Но по-настоящему сильно мотивированных студентов в середине 1990-х бывало больше, как ни странно. С другой стороны, было множество примеров «свободных художников», которые приходили «послушать», и их вообще не удавалось включить в учебный процесс как таковой. Он и сам-то был не очень отрегулирован, и слишком многое зависело именно от личной мотивации студентов. **КФ**

¹ Приходской дом при московском Владимирском соборе Сретенского монастыря, в начале 1990-х – заброшенное строение. Был расчищен и восстановлен силами Преображенского братства. После назначения настоятелем собора в 1994 г. иером. Тихона (Шевкунова) и вселения монахов будущего Сретенского монастыря приходской дом какое-то время, вплоть до конца 1995 года, использовался совместно Свято-Филаретовским институтом (1 этаж) и братией монастыря (2 этаж).

² Когда стало ясно, что институт вскоре останется совсем без помещений (недолгое совместное существование с братией Сретенского монастыря было очень напряжённым: его насельники однажды пообещали коменданту института «с любовью выдрать ноги»), в братстве был объявлен сбор денег на помещения для СФИ. По воспоминаниям А.М. Копировского, это было в чём-то похоже на сбор денег на нижегородское ополчение: женщины вынимали из ушей сережки, снимали кольца и складывали на блюдо для пожертвований.

Последние дни отца Тавриона

Вспоминает матушка Олимпиада (Иус)

Последний раз, когда я видела о. Тавриона, он уже лежал больной. Я стояла на коленках возле него, и он мне сказал: «Знаешь пророчество о Пустыньке?» Я ответила: нет. Тогда он сказал: «Ясли будут, овцы будут, а ясти будет нечего»¹. Я тогда поняла это в прямом смысле и спросила: кто виноват? Батюшка ничего не ответил.

На проповеди часто о. Таврион говорил: «Иоанна Златоуста гнали 40 лет». А я посчитала – не 40, а 30. И поняла, что это пророчество он сказал про себя. В следующем году исполнится 39 лет², как его нет с нами, а его до сих пор боятся. И когда его памятная дата, нет ни одного священнослужителя у него на могиле – это и значит, что боятся.

Последнюю службу он служил 18 июня 1978 года (я приехала на Преполование Пасхи). Однажды я услышала, что в келье батюшки поют «Многая лета». Я спустилась, подошла к келье, уже запрета входить к батюшке не было. А до

этого было: паломникам не разрешали входить в келью. Даже окна затянули шторами, но что Духу Святому эти преграды... Когда я спросила, почему паломникам запретили навещать батюшку, мне ответили, что врач не разрешает. Тогда я дождалась врача и спросила её: «Почему Вы не разрешаете посещать о. Тавриона?» Она ответила: «Наоборот, надо посещать».

Поэтому о. Таврион благословил петь нас, кто был рядом с ним, «Многая лета» Кустанайскому правительству³. Присутствовавшие посчитали, что батюшка не в своем уме. А он потому благословил, что оно его освободило от пожизненной ссылки. Это в письмах его есть, что самое тяжелое было – пожизненная ссылка. Тюрьма хоть какие-то сроки имела, а это – без срока!

Когда он уходил, то страдал очень и моей сестре Лидии говорил: «Вот Голгофа! Продуктов много, а я умираю с голода, в одиночестве» (это когда паломников к нему не пускали). Лидия

у батюшки пол мыла, имела к нему доступ. Она идет, а они руки так ставят⁴. Я ей говорю: ты могла руку так отбросить, чего ты испугалась их?⁵

Лидия и м. Мария одну ночь дежурили около него – подкладывали ему руки под спину. Он говорил: «Вот так хорошо, ещё приходите». А на следующую ночь их не пустили. Вот как жестоко он умирал, после всех страданий. В плену он был. Батюшка всё знал, что и как и почему. Мог бы сказать, но он молчал – нёс послушание до конца⁶...

Отец Владимир⁷ ещё юношей был. Он в соседней комнате спал, когда батюшка умирал, так его не разбудили даже... Когда он (о. Таврион) уже уходил, он кричал: «Настоятеля мне, настоятеля!» Позвали Георгия⁸, который читал тогда. Он пришёл, а батюшка его так рукой отвёл. Пришёл о. Евгений⁹ и сказал: «Ждём владыку, будем встречать».

А о. Таврион говорит: «Пойте дружно “Днесь благодать Святаго Духа нас собра...”». Мы ду-

Монахиня Олимпиада (Иус) была письмоводителем архим. Тавриона (Батозского) с 1976 по 1978 год, до самой его кончины

мали, что это стихира Троицы, а это стихира Входа Господня в Иерусалим. Это когда Спаситель шёл на вольную страсть. Кому мы будем петь это и когда – не знаю. Но ни одно слово о. Тавриона зря не пропадает.

Мне он однажды сказал: «Скорби – это ласка Божия, а ты от них бежишь. Набегалась уже, сиди на месте». Вот я и сижу здесь. А этот дом батюшка помогал Лидии обустроить, его вторую половину. Там цыгане жили и лошадей держали. Он выкупил и сам приезжал, показывал что и как делать. Так что здесь нога его ступала... **КФ**

7 ноября 2016 года

¹ Существует и рифмованный вариант: «Будут овцы, будут и ясли, да не будет чего ясти».

² Рассказ записан в 2016 году. В этом году исполняется 40 лет со дня кончины архим. Тавриона.

³ Руководству Кустанайской области Казахстана.

⁴ То есть заграждают вход.

⁵ Видимо, имеются в виду сотрудники органов или «проинструктированные» ими гражданские лица.

⁶ Крест.

⁷ Будущий прот. Владимир Вильгерт.

⁸ Чтец, впоследствии – священник.

⁹ Игумен Евгений (Румянцев).

Такие разные лица поэтов гражданской войны

Материал подготовила Александра Кольмагина

Всё началось с того, что я слушала записи лекций по истории. Кирилл Михайлович Александров был очень убедителен. А одна из лекций закончилась выразительной подборкой стихов. После того, как я дала послушать эту лекцию нескольким друзьям, мы решили закончить давно планировавшийся разговор о гражданской войне поэтическим вечером.

Нужно сказать, что несколько десятков людей, участвовавших и в разговоре, и в вечере, объединяла общая христианская жизнь, но это вовсе не значило одинакового взгляда на историю. Нам важно было услышать друг друга, не умалчивая при этом о своих собственных представлениях, говоря о них прямо и откровенно. И этот текст – о моём видении.

На вечере каждый мог выбрать и прочитать любое стихотворение, связанное или временем написания, или темой с гражданской войной. Нужно сказать, что подавляющее большинство выбрало Максимилиана Волошина. Не услышь я подборку Александрова, я бы и сама была уверена, что яснее всего говорят о происходившем именно его строки:

*В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель
разгула...
И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас – тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.*

Но не менее важно оказалось дать слово «тем и другим» – поэтам, волевавшим в Белой или Красной армии или с ними тесно связанным. И время

от времени на нашем вечере звучали пары стихотворений, объединённых общей темой, одно от «красных», другое – от «белых». Вот несколько таких пар.

Отношение к врагам:

*Таков завет Христа Второго:
«Мечом оденьте рамена,
Из сердца вышвырнув сурово
Изжитой правды семена.
Пока не пали все преграды
И не растаяли как дым –
Блажен не знающий пощады
В борьбе с противником своим!»*

Василий Князев

(сотрудник газеты «Боевая правда», органа политотдела 7-й армии, умер в 1938 году в лагере, до конца веря в правоту партии большевиков)

*Любите врагов своих... Боже,
Но если любовь не жива?
Но если на вражеском ложе
Невесты твоей голова?
Но если, тишайшие были
Расплавив в хмельное питьё,
Они твою землю растлили,
Грехом опоили её?
Господь, упокой меня смертью,
Убей. Или благослови
Над этой запекшейся твердью
Ударить в набаты крови.
И гнев Твой, клокочущее-знойный,
На трупные души пролей!
Такие враги – недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей.*

Иван Савин (Саволайнен)

(Вступил после окончания гимназии в 1919 году в Добровольческую армию. Потерял в годы гражданской войны четверых братьев (сражавшихся, как и он, в рядах Белого движения) и двух сестёр. Умер в 1927 году в возрасте 27 лет в Хельсинки)

Отношение к командирам и понимание общей цели:

*Кликнул грозный клич Будённый
удалой:*

*– Эй, товарищи лихие, все за мной!
Эй, ребята, веселей, да не робей,
На врага пойдём лютого поскорей!
Эй вы, царские холопы, палачи,
Ну, попробуй-ка, попробуй, подскачи!
Скоро, скоро всех врагов мы
разобьём
И свободной, вольной жизнью
заживём...
Постоим за наше дело головой,
Слава коннице будённовской лихой!*

Павел Бахтуров

(комиссар дивизии РККА,
убит в 1920 году)

Корнилову

*Не будь тебя, прочли бы внуки
В истории: когда зажжёт
Над Русью бунт костры из муки,
Народ, как раб, на плаху лег.
И только ты, бездомный воин,
Причастник русского стыда,
Был мёртвой родины достоин
В те недостойные года.
И только ты, подняв на битву
Изнемогавших, претворил
Упрёк истории – в молитву
У героических могил.
Вот почему с такой любовью,
С благоговением таким
Клоню я голову сыновью
Перед бессмертием твоим.*

Иван Савин

О любви и войне:

*Над зелёною гимнастеркой
Чёрных пуговиц литые львы;
Трубка, выжженная махоркой,
И глаза стальной синевы.
Он расскажет своей невесте
О забавной, живой игре,
Как громил он дома предместьи
С бронепоездных батарей.*

Как пленительные полячки
 Присылали письма ему,
 Как вагоны и водокачки
 Умирили в красном дыму.
 Как прожектор играл штыками,
 На разбитых рельсах звеня,
 Как бежал он три дня полями
 И лесами – четыре дня.
 Лишь глазами девушка скажет,
 Кто ей ближе, чем друг и брат,
 Даже радость и гордость даже
 Нынче громко не говорят.

Николай Тихонов
 (с 1918 до 1922 года служил в
 РККА, впоследствии был активным
 советским общественным деятелем,
 в том числе несколько лет занимал
 пост председателя Союза советских
 писателей, умер в 1979 г.)

Так глубоко ты в сердце врезан мне,
 Что даже время потеряло силу
 И четверть века из своей могилы
 Живым ты мне являешься во сне,
 Любовь моя... И у подножья склона,
 И в сумерках всё не могу забыть,
 Что в этот страшный мир, как
 Антигона,
 «Пришла не ненавидеть, но
 любить».

Анна Тимирёва
 (любимая женщина адмирала
 Колчака. Осталась в России и подвер-
 галась арестам и заключению на раз-
 ные сроки, от нескольких месяцев до
 8 лет, в 1920, 1921, 1925, 1935, 1938,
 1949 годах; реабилитирована в 1960-
 м, умерла в 1975 году. Стихотворение
 написано в день 25-летия расстрела
 Колчака; сохранилось, как и другие её
 стихи, в дневнике)

О победе и поражении

О трудная и тягостная слава!
 В лиманах едких, стоя босиком
 В солёном зное, медленно, как лава,
 Мы сторожим, склонившись над
 ружьём.
 И, разогнав крутые волны дыма,
 Забрызганные кровью и в пыли,
 По берегам широкошумным Крыма
 Мы яростное знамя пронесли.
 И Перекоп перешагнув кровавый,
 Прославив молот и гремучий серп,
 Мы грубой и торжественною славой
 Свой пятипалый окружили герб.

Эдуард Багрицкий (Дзюбин)
 (служил в Особом партизанском
 отряде ВЦИКа и инструктором
 политотдела в Отдельной стрелковой
 бригаде. Впоследствии член РАППа; в
 его честь названа одна из московских
 улиц. Умер от астмы в 1934 г.)

Кто завтра жребий смертный
 вынет,
 Чей будет труп в снегу лежать?
 Молись, молись о дальнем сыне
 Перед святой иконой, мать!
 Нас было мало, слишком мало.
 От вражьих толп темнела даль;
 Но твёрдым блеском засверкала
 Из ножен вынутая сталь.
 Последних пламенных порывов
 Была исполнена душа,
 В железном грохоте разрывов
 Вскипали воды Сиваша.
 ...Забывать ли, как на снегу сбитом
 В последний раз рубил казак,
 Как под размахистым копытом
 Звенел промёрзлый солончак,
 И как минутная победа
 Швырнула нас через окоп,

И храп коней, и крик соседа,
 И кровью залитый сугроб.
 Но нас ли помнила Европа,
 И кто в нас верил, кто нас знал,
 Когда над валом Перекопа
 Орды вставал девятый вал.

Николай Туроверов
 (сражался в партизанском отряде
 есаула Чернецова, потом в Донской
 армии; умер в Париже в 1972 г.)

За несколько минут до начала
 вечера нам пришла в голову мысль
 найти фотографии авторов, снятые в
 годы гражданской войны или близкие
 к ним, в интернете. Это получилось
 почти для всех, кроме рано по-
 гибшего Павла Бахтурова; правда,
 разнообразия не было, большин-
 ство снимков было в единственном
 экземпляре. Очень важно оказалось
 не только услышать эти голоса, но и
 увидеть на экране лица.

Но больше всего они поразили
 меня, когда я через какое-то время
 неожиданно увидела их на экране
 своего устройства вместе, так, как
 читатель видит их теперь на этой
 странице. И мне очень захотелось,
 чтобы эти лица, оказавшиеся рядом, и
 одним этим что-то говорящие, увиде-
 ла не только я.

Прежде, чем публиковать, я по-
 казала их нескольким людям. Реакция
 была очень разнообразной – от обви-
 нительного: «Ты нарочно подбирала
 всех красных страшными!» до равно-
 душного «не вижу разницы». Только
 О.В. Щербачёв сказал запомнившиеся
 слова: «Это прежде всего разные со-
 стояния человека...» **КСФ**

Сражались в Белой армии или были связаны с ней:
 Иван Савин, Николай Туроверов, Анна Тимирёва

Сражались в Красной армии или были связаны с ней:
 Василий Князев, Николай Тихонов, Эдуард Багрицкий

Предание

интернет-магазин
православной литературы

www.predanie.org

Связаться с нами
можно по телефону:
+7 (963) 316-53-93

Книги о вере и Церкви, уникальные исследования о братской и общинной жизни в истории и современности, о трагическом и полном надежды и силы духа опыте новомучеников церкви русской, тексты православного богослужения на русском языке в переводе свящ. Георгия Кочеткова (в том числе в электронном формате), беседы для тех, кто готовится к вступлению в Церковь.

Среди наших новинок ранее не издававшиеся книги:
«Ива Эдесский и его время» протопр. Николая Афанасьева,
«Евхаристическая экклезиология сегодня»,
«Хрестоматия по мистагогии»,
свежие выпуски альманаха СФИ «Свет Христов просвещает всех»

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru/>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ: ЖИТЬ ВМЕСТЕ

В течение двадцати пяти лет Преображенское братство собиралось в день своих именин на праздник Преображения Господня. Сначала это были десятки, потом сотни, потом – несколько тысяч людей, которые стремились найти и осуществить в своей церковной жизни принцип соборности, научиться жить по Евангелию вместе. После своего двадцатипятилетия братство уже четвёртый год проводит в эти праздничные дни открытые для многочисленных гостей двухдневные фестивали. Об очередном из них, посвящённом теме «Жить вместе», мы начнём рассказ в следующем номере.

Исполняется 80 лет со дня кончины старца Силуана. Его жизнь, сохранившиеся для нас слова, молитвы – проповедь евангельской горячей, безмерной, прощающей, всеобъемлющей любви. Русский крестьянин, он двадцатishестилетним юношей в 1893 году приехал на Афон и стал насельником Свято-Пантелеимонова монастыря. Поучения старца Силуана, записанные его учеником и биографом архимандритом Софронием (Сахаровым), широко известны и поражают прежде всего повторяющимся в разных словах настойчивым прошением: «Господи, как Сам Ты молился за врагов, так и нас Духом Твоим Святым научи любить врагов».

